

Матьяна
ТРОИНА

МЕЖДУ НАМИ
ДОЖДЬ

У МЕНЯ ЕСТЬ СЕРДЦЕ.
А У СЕРДЦА — ТАЙНА.

ВСТРЕТИТЬСЯ НА ЗЕМЛЕ...
ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Татьяна Михайловна Тронина

Между нами дождь

Серия «Нити любви»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67365141

Между нами дождь / Татьяна Тронина: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-166735-1

Аннотация

Роман «Между нами дождь» является актуальным, так как рассказывает о вымышленном будущем, о жестких карантинных временах, когда мир одновременно так знаком и так чужд нам. В центре романа любовь главной героини и таинственного мужчины, чья роль в происходящих событиях является неоднозначной...

Писательница тонко передает тревожащие нас события, рассматривая их с разных точек зрения – персонажи в романе живут с вживленными в них чипами, носят маски и все время пользуются санитайзерами, стирая руки в кровь. Изменится ли их жизнь в лучшую сторону или все станет только хуже? Данный роман будет интересен всем, кого волнует тревожная ситуация в современном мире.

Татьяна Трoнина

Между нами дождь

Пришельцы живут среди нас

Дождь в Кострове уже целую неделю лил не переставая.

Была бы возможность, Васса ни в жизнь не вышла бы на улицу в такую погоду. Но нельзя. Визит к Демьяну Демьяновичу в кардиодиспансер – святое. Это Васса усвоила с самого раннего детства. Назначено – приди, ибо от посещения доктора зависит твое собственное здоровье, такое ненадежное.

«И в чем только жизнь держится у моей девочки...» – не раз скорбно вздыхала тетя Поля. В этих словах Васса слышала жестокую иронию, но спорить с простодушной тетей не собиралась. Не хотела ее расстраивать лишним раз своим недовольным брюзжанием. Потому что внешне Васса уж никак не выглядела хрупким и слабым созданием. Скорее, наоборот, такая упитанная девушка с круглыми румяными щеками и толстой темно-рыжей косой, напоминающей разновидность батона, который еще называют плетенкой. Девушка, готовая с утра до ночи пахать, сеять и жать без усталости. Но это было обманчивое впечатление.

...Васса покинула дом в полной «боевой амуниции» – плаще-дождевике с капюшоном, высоких резиновых сапогах, еще прихватила с собой зонтик с широким куполом.

Возле дома журчал небольшой поток, он стекал на мостовую, а дальше уже вливался в довольно бурную реку серого цвета. Васса мужественно вступила в эту реку, воды оказалось выше щиколотки.

Пока шлепала до трамвайной остановки – отчаянно вспотела в плаще, совершенно не пропускающем воздух. И голова в капюшоне зачесалась, поскольку волосы создавали эффект плотного головного убора. Зимней меховой шапки! «Упаду я в обморок или не упаду? – со скорбным любопытством прислушалась к ощущениям Васса. – Пожалуй, если упаду, то сразу захлебнусь в этой грязной воде. Вероятно, меня унесет потоком в какой-нибудь подземный коллектор. В тот самый, в который под городом загнали речку Дымку. Тетя Поля заявит о моей пропаже, и пока меня не найдут где-нибудь в трубах или уже за пределами города, у шлюзов, тетя будет горько плакать о том, куда ее бедная девочка исчезла... Но, может, оно и к лучшему, если я утону – отмучаюсь быстрее. И тете Поле легче, хоть для себя немного поживет...»

Но на самом деле Васса не очень-то жаждала утонуть в этих грязных потоках. Выбрать бы какую-нибудь другую смерть, красивую и легкую. Поэтому Васса отогнала мрачные мысли прочь и мужественно преодолела расстояние до трамвайной остановки. Народу здесь стояло довольно много, верно, трамвая давно не было.

Надеть защитную маску на лицо или нет? Васса решила, что не надо, потому что в маске она окончательно задохнет-

ся. Сезон весеннего карантина, с его жесткими требованиями, уже прошел, а до осеннего еще тоже было не скоро... Сейчас, в период эпидемиологического спокойствия, мало кто носил маски, хотя средства массовой информации рекомендовали населению не расслабляться даже в межсезонье, тем более в общественных местах.

Про маски до сих пор спорили – носить их постоянно или не носить, где именно носить. В сети, да и в реальности, постоянно вспыхивали споры на эту тему, а ученые то и дело подливали масла в огонь, публикуя новые исследования, которые то ниспровергали ношение масок, то считали маски единственным спасением от зловредных вирусов и бактерий.

Наконец подошел трамвай. Васса пропустила людей вперед, сама решила зайти последней. Сложила зонт, подняла лицо к тепловизору, который располагался над дверями. Этому учили с детства: как правильно вести себя в общественных местах, куда пройти можно только после того, как тепловизор оценит твое состояние. Надо поднять голову перед специальным датчиком, измеряющим температуру на входе, чтобы головной убор, если он есть, не заслонял лицо, и снять очки. Очков у Вассы не было, поэтому она просто подняла лицо. Насколько она знала, температура измерялась в уголках глаз, там, где располагались слезные каналы...

Ерундовая процедура, но каждый раз теперь Васса испытывала небольшой мандраж: а ну как запищит сигнал, замигает красная лампочка, сигнализируя, что данный человек

не имеет права находиться в общественном месте? Потому что такое случилось в детстве, довольно часто. Потом долго ничего подобного не происходило, но прошлой зимой снова повторилось. Ужасно неприятно – эта «цветомузыка», все вокруг смотрят, натягивают на лицо защитные маски, если кто не в них... Когда после подобного случая Васса вернулась домой, тетя Поля вызвала доктора. К счастью, у нее оказалась обычная простуда. Но все равно пришлось долго сидеть дома, утешая себя тети-Полиными тортиками, печь которые та настоящая мастерица.

Тепловизор никак не отреагировал на Вассу. Она вошла в трамвай, провела ладонью правой руки перед валидатором, не касаясь его экрана. Списалась одна поездка.

А ведь когда-то люди жили без чипа. С бумажными деньгами, какими-то там платежными карточками, которые можно было легко потерять, с кучей разных документов, тоже из бумаги, пластика... Ужас как неудобно, наверное. А, и ключи, еще ключи от дома, от дверей, таскали с собой! Люди специально покупали сумки под это все – ключницы, кошельки... Кило, не меньше, всякого барахла приходилось носить с собой, а если что забудешь или потеряешь – вообще караул.

То ли дело чип величиной с рисовое зернышко; его внедрили с самого рождения человеку под кожу с помощью специального шприца, в правую кисть, между большим и указательным пальцем.

Этот чип давал доступ ко всем документам – и к свиде-

тельству о рождении, и к паспорту, и к медицинскому полису... И ко всем финансам человека... Можно оплачивать покупки в любом месте.

Теперь не требовался отдельный пропуск на работу – достаточно провести ладонью перед специальным устройством на проходной, и вперед. Двери в подъезд и в квартиру тоже открывали с помощью чипа.

По чипу также можно было найти человека в любой точке земного шара, так что теперь не бывает никаких там пропавших без вести. Это к вопросу о подземном коллекторе, в который может затянуть Вассу при наводнении... Ее тело найдут в грязных подземных водах, рано или поздно, тоже благодаря чипу. Геолокация!

Васса знала, что когда эти чипы только стали применять, то многие люди возмущались и даже протестовали. Боялись, что с помощью чипа можно будет ими манипулировать. Типа вдруг случись что с чипом – и уже ни денег, ни документов, и никуда не войти: ни в транспорт, ни домой, никакой медицинской помощи... Запросто можно умереть на улице, без крыши над головой, от холода и голода.

Но эти страхи никак не оправдались. Наоборот, с чипами жизнь стала проще и удобней. Да и безопасней. Чип, а что чип, это просто носитель кода в базе данных и датчик местоположения.

...Если вопрос с масками зависел теперь от сезона, то с перчатками дела обстояли иначе. Теперь в общественном

месте их ношение стало обязательным всегда. Вернее, населению давалась альтернатива: либо носите перчатки, граждане, либо очищайте руки, а иначе штраф. Иммунитет у населения понизился, и кожные заболевания стали массовым бичом.

Васса перчатки сегодня забыла. Поэтому, оплатив проезд, она сунула ладонь под дозатор с санитайзером, быстро размазала порцию очищающего геля в руках. Помнится, обещали поставить везде устройства нового типа, дезинфицирующие руки с помощью ультразвука, но такие приборы оказались дорогим удовольствием... «Любителей» гелевых санитайзеров можно было угадать издали по красным и изъязвленным рукам. Словом, типичный житель мегаполиса, боящийся заразы, – это человек с плохой кожей на лице и руках, к тому же пугающий своим кашлем и сиплым дыханием окружающих, поскольку привык все вокруг мыть с дезинфекторами. А они не очень хорошо влияют на легкие при вдыхании...

Васса вдруг заметила, что в конце вагона было как раз свободное местечко. Она ринулась туда, на ходу расстегивая плащ. Плюхнулась, с трудом отдышалась. «Наверное, от меня пар сейчас идет... Дурацкая погода. И платье это теплое, для зимы, зачем я его сегодня надела?!»

Трамвай еще некоторое время не двигался, стоял на одном месте, словно раздумывая, с распахнутыми дверями. Тетя Поля говорила, что раньше общественный транспорт ра-

ботал быстрее. Люди сели, двери закрылись, и – погнались. Это потому, что водителями тогда являлись живые люди. Теперь общественный транспорт стал полностью беспилотным. Оно, конечно, хорошо – никаких ДТП, никаких ускорений и торможений, при которых могут упасть пассажиры внутри транспортного средства, но зато жутко медленно.

Наконец двери закрылись, и трамвай плавно двинулся с места. Васса уставилась в окно.

Слева изредка проплывали грузовые машины, без кабин и без водителей, тоже в беспилотном режиме. Они везли какие-то нужные вещи для предприятий города... Например, для завода по производству потуса – популярного напитка на основе имбиря. Или продукты для Фудкорта, в котором столовались любители общепита.

А справа мелькали мотоциклы и фургончики служб доставки. Вот за рулем на мотоциклах и в фургончиках сидели люди. Хотя, конечно, и эти средства передвижения тоже были полностью под контролем компьютера. Никаких дорожных происшествий или наездов на пешеходов, как во времена молодости тети Поли.

Трамвай двигался все медленней, затем встал.

– Что там? – спросил кто-то из пассажиров.

– Да воду с путей вон откачивают... не проехать, – ответили ему с передней части трамвая.

– Спасибо нашему дорогому мэру, – с язвительной интонацией вступил в разговор еще кто-то, третий. – За нашу но-

вую ливневую канализацию.

– А что с ней не так?

– Да все с ней не так! Каждый дождь листьями забивается, мусором. Лужи на тротуарах не просыхают, а как ливень, так вообще хоть на лодках катайся. И Дымку, речку, еще под землю загнали зачем-то...

– И что теперь, новую ливневку делать? А деньги у города на это откуда?

– Можно проще поступить – прорыть канавы вдоль дорог, пусть вода туда стекает.

– Только канав в городе не хватало! Чтобы все ноги переломали...

«Может, меня и не затащило бы ни в какую трубу. Мое тело бы в нее просто не пролезло!» – подумала Васса и вздохнула.

Скоро Вассе стало скучно слушать все эти разговоры вокруг, она воткнула в ухо наушник. Но и в новостях, как назло, говорили тоже о дожде:

– ...если ситуация с погодой не изменится, то в скором времени ливень побьет рекорд стотридцатилетней давности. Тогда уровень осадков достиг невероятной высоты. Уже сейчас подтопление внесло свои коррективы в движение общественного транспорта. Стоят трамваи на проспекте Мира. Затоплен переход на улице Гагарина, в водную ловушку попали некоторые автомобили служб доставки... Виталий Канатчиков, мэр города Кострова, рекомендует жителям по

возможности не покидать свои дома...

Вассе стало еще скучнее. Она вновь принялась смотреть в окно. Однотипные здания вдоль дороги, одинаковые детские площадки, похожие друг на друга люди иногда пробежали мимо, по залитым водой тротуарам. Везде торчали вышки – с их помощью, без всяких проводов, передавали электричество, были и вышки связи, иные облеплены, точно подводные камни присосавшимися к ним ракушками, множеством передатчиков, торчали вышки еще для каких-то нужд... Их было так много, этих вышек, что они напоминали бесконечный уродливый забор, тянущийся вдоль дороги и одним своим видом напоминающий прохожим – дальше ты не пройдешь. «Какая тоска. В каком сером городе я живу. Впрочем, при чем тут Костров, сейчас везде такая серость, говорят. Во всем мире».

Перемены наступили еще до рождения Вассы, рассказывала тетя Поля (впрочем, о том же самом можно было и в интернете прочитать). Сначала прокатилась первая вирусная пандемия. Ну как первая, не первая, конечно, эпидемии разной интенсивности случались регулярно во все эпохи. Просто самая жестокая, самая известная, которую называли «испанкой», затронувшая *весь* мир, – случилась лет за сто до того. Эта же пандемия, новая, тоже коснулась всех жителей Земли и сильно ударила по мировой экономике, населению стало уже не до прежних роскошеств. Потом дела вроде бы потихоньку начали налаживаться, люди думали, что повто-

рения подобной эпидемии долго не будет. Тоже лет сто! Но нет, скоро случилась следующая эпидемия, потом третья, а потом и вовсе пару раз в год все регулярно стали запираяться по домам, недели на две обычно, а то и на месяц. Закрылись окончательно города, любую поездку теперь надо было подтвердить, согласовать, получить спецпропуск.

Туризм почти зачах, это теперь было очень дорогое удовольствие и только при наличии квот в принимающей стране. Чтобы никаких толп нигде! Общественные развлечения тоже затухли – ни театров, ни кинозалов, ни больших торговых центров. Ноль общественных мероприятий.

Единственное место в Кострове, где теперь можно было собраться в межсезонье людям, – это Фудкорт. Но в период эпидемии и он закрывался, работала только доставка.

Ни спортивных соревнований, ни музыкальных концертов, само собой.

С одной стороны, развитие технологий не стояло на месте, но в остальном жизнь сильно обеднела. Прежде хоть красивые дома строили, реставрировали обветшавшие, а теперь все новое – это однотипные постройки, а старые здания, если только они не представляли совсем уж невероятной исторической ценности, просто сносили. Денег на их содержание и восстановление не находилось.

Мода просто-напросто умерла. Какие еще наряды, какой имидж... Одежда – самая незатейливая, без сложных элементов, складок, защипов и прочих красот. Потому что та-

кую простую одежду легче дезинфицировать, а от тканей, из которых ее шили, нынче требовалось лишь одно, чтобы они были крепкими и могли выдержать множество стирок. Повседневная одежда современного человека напоминала теперь туристическую или рабочую униформу. Во времена карантина многие надевали специальные комбинезоны, обеспечивающие максимальную защиту от вируса. Никто уже не гнался за красотой, разработчики одежды больше думали о том, как, например, удобнее почесаться человеку в таком «скафандре»...

Настроение у Вассы опять испортилось. И, как всегда, перед визитом к Демьяну Демьяновичу, чтобы уж совсем плохо стало, она отчетливо ощутила свое главное горе. Потерю родителей. Папу и маму Васса даже не помнила, поскольку на момент их гибели (в автокатастрофе) она была совсем маленькой. Вассу воспитала тетя Поля, троюродная сестра папы.

А эта дурацкая болезнь?! Когда ничего нельзя, и ни шагу в сторону, и всего беречься, и не напрягаться, и не волноваться... Васса осмелилась передвигаться по городу одна, без сопровождения тети Поли, лишь совсем недавно, перед своим двадцатилетием.

Сердце. Нелепое, никому не нужное, навсегда больное сердце Вассы.

– ...в конце месяца обещают открытие нового развлекательного центра, – между тем шуршало в наушнике. – Этот

проект с самого начала подвергается жесткой критике со всех сторон. Имеет ли смысл в наше время затевать подобную авантюру, напрямую связанную с угрозой массового заражения каким-нибудь очередным новым вирусом? Общество до сих пор спорит о нужности Фудкорта, но нет, теперь еще и развлекательный центр как новый источник повышенной опасности для населения... Сторонники мэра утверждают, что развлекательный центр – это мощное лекарство против депрессии, охватившей многих людей. Кроме того, некоторые из ученых упорно повторяют, что скопление людей в разумных пределах способно повысить коллективный иммунитет...

«Зачем я живу? Для чего? – Васса уже гнала по кругу одни и те же мысли. – Жизнь и так паршивая, а тут еще моя болезнь, от которой никогда не излечиться. Я обречена *навсегда*, и главный вопрос лишь в том, сколько мне еще осталось – несколько лет или несколько месяцев? Бедная тетя Поля... Она из-за меня не смогла устроить свою личную жизнь, я словно пиявка какая-то высосала ее всю! Тетя только и делает, что ухаживает за мной, кормит-поит, тратит на меня свою пенсию, ни с кем не общается. У нее ведь даже близких подруг нет, если подумать... Так, созванивается с какими-то приятельницами время от времени, но это ж разве дружба...»

Трамвай плавно, почти незаметно тронулся с места. Затем, через несколько минут, мягко остановился и его двери

открылись, впуская новую порцию пассажиров. Васса отметила это краем сознания, не отрывая взгляда от серого пейзажа – карикатурно-искаженного, из-за текущих по стеклу струек воды.

Народу в трамвай набилось непривычно много, дожидаясь его, люди успели скопиться на остановке.

Резко запахло сыростью, отдушками, которыми наполняли средства для дезинфекции и стирки – намокшая одежда щедро «отдавала» эти ароматы в воздух...

– Соблюдайте социальную дистанцию, граждане! Ну куда вас столько набилось?

– ...такое впечатление, что нарочно народ в дома загоняют этим дождем. Вы заметили, как испортилась погода? Ни одного хорошего дня за последний год, обязательно какая-то ерунда случается.

– На климатическое оружие намекаете? И не надоело? Да сколько можно! Люди сами свой климат испортили!

– А вы вокруг смотрели? Вы гляньте, сколько этих столбов понатыкали вокруг...

– Но это дикость – валить все на вышки, это же средства связи, и потом, с тех пор как электричество стало беспроводным, без них не обойтись... Вы уж выбирайте, либо вышки связи, либо все кабелями завешано...

– Средства связи, беспроводное электричество... Представьте, сколько излучения вокруг нас! Скоро в мутантов превратимся. Слышали, рыбу недавно в коллекторе рабочие

обнаружили – огромную, зубастую... То ли акулу, то ли гигантскую пиранью!

– И вы верите этим слухам, про рыбу-мутанта?! Где хоть одно нормальное фото, а не фейковое?

– ...Никто не торопится создавать семью, рожать детей... Людям самим бы выжить.

– А молодежь какая наглая пошла, заметили?

– И не говори, Ильинична. Дети «удаленки». Раньше их хоть учителя в школе воспитывали, как нас, например, а сейчас какие-то боты. Ну кого робот может воспитать? Только бездушную скотину.

– Здоровые все, откормленные. Морды круглые, глаза пустые-пустые... Смотрит такая на тебя в упор – и не видит ничего.

– А потому что только о себе думает, о своем комфорте. Что ей другие, старики.

– Наверное, из понаехавших. Наш дурак, Канатчиков, говорят, их приглашает до сих пор. Приезжих. На стройках работать, тарелки в Фудкорте мыть. Никто не приглашает давно, а он зовет, и кто его только выбрал... А они сюда заразу везут... Да вы посмотрите, она точно не из наших. Даже русского языка не знает наверняка!

Не сразу до Вассы дошло, что это сейчас о ней говорят. Она, словно преодолевая вязкое, склизкое, студенистое сопротивление, которым было заполнено все пространство вокруг, повернула голову и заметила перед собой трех дам

«элегантного возраста», как сейчас было принято обозначать старость.

Две дамы – вполне обычные немолодые тетушки, чем-то даже похожие между собой как сестры: плащами неопределенного цвета и неопределенной длины, превращавшими их фигуры в куб, одинаковыми короткими стрижками, и даже цвет волос (вернее, цвет краски для волос) был у них одинаковый, коричнево-бурый. Может, и правда они являлись самыми настоящими сестрами. Одна «сестра» чуть выше, чуть худее, а лицо веселее. Другая серьезная и строгая.

Третья же дама выглядела весьма примечательно. Хотя и одеждой, и прической, и даже «мастью» почти не отличалась от своих приятельниц. Кажется, именно ее и звали Ильиничной.

У нее был пронзительный и очень острый взгляд. Слишком острый, слишком пронзительный для обычного человека. Скорее более подходящий для зверя, для хищника, приготовившегося к нападению. Так выглядывают добычу. Верхняя губа у Ильиничны была чуть приподнята, и виднелись два крепких и идеально-белых металлокерамических клыка сверху; ноздри раздуты. Она, почти не мигая, разглядывала Вассу сверху вниз.

Вассе стало страшно.

– Ну и что уставилась-то... – насмешливо спросила Ильинична, глядя ей прямо в глаза. – Место уступи.

В первый момент Васса захотела вскочить. Как не под-

чиниться приказу? Но уже в следующее мгновение она себя осадила – вот еще, следовать командам какой-то «левой» тетки в трамвае! Кстати, слабосильной старушкой эта Ильинична вовсе не выглядела. Скорее мощным и матерым зверем, грузным – да, но зато очень опытным, экономным в движениях. Не заметишь, как такая Ильинична вцепится и горло перегрызет искусственными зубами. Куда там молодым до нее, молодые равнодушнее, да и спокойней, ленивее – не станут гоняться за своей добычей, а вот от этой хищницы точно не уйдешь без потерь.

Раньше в общественных местах о Вассе заботилась тетя Поля. «Пропустите, я с ребенком, пожалуйста, дайте сесть, у меня ребенок инвалид!» – бодро и добродушно оповещала она окружающих, и все ей так же добродушно уступали. Тетя Поля сажала ребенка, то есть Вассу, на освободившееся место и горячо благодарила окружающих за понимание. Никогда никаких конфликтов не возникало. Когда же, в последнее время, Васса ездила одна, то конфликтов тоже ни разу не вспыхивало. Во-первых, трамваи всегда ходили полупустые, во-вторых, Васса ездила на общественном транспорте довольно редко (вот как сейчас, в кардиодиспансер), и потом ситуаций, когда Васса сидела, а над ней склонялись дамы «элегантного возраста», просто не случалось до этого момента.

– Уступи, – с бесстрастным выражением, раздувая ноздри, повторила Ильинична.

Две «сестры», поглядывая на свою подругу, тоже закудахтали в один голос возмущенно:

– Девушка, ну неужели совести у вас нет, так трудно пожилым людям место уступить...

Наверное, если бы кто-то из пассажиров услышал эту перепалку, возможно, уступил бы свое место, но нет, другие сидячие места располагались далеко, а между ними еще стояли люди, в основном по направлению движения трамвая, спиной к хвосту вагона. Так что это был театр всего лишь четырех актеров – Вассы и трех ее оппоненток.

После синхронных реплик «сестер» Васса вновь была уже готова подняться с места (проще же и правда уступить, чем препираться, оно и для здоровья полезней – не придется нервничать), но тут Ильинична подала очередную реплику:

– Не реагирует она... Точно из понаехавших. У наших людей кусок хлеба отнимает.

– И не один кусок, – хихикнула та «сестра», что пониже и поплотней.

– Может, и не хлеб, а... – хихикнула вторая «сестра», но сбилась, придумывая продолжение фразы, чего там Васса у кого отнимала.

– Точно, Машенька, у нее совсем другая работа, – ликующе подхватила Ильинична. – И мы знаем какая.

Она явно намекала на какую-то гадость. Тут уж Васса окончательно передумала вставать. Вот еще, потакать всяким нахалкам...

– Девушка, да будьте же человеком, неужели вам не стыдно! – гневно воскликнула та «сестра», что повыше.

– Дашенька, ну какой стыд, ты на нее посмотри только... – засмеялась Ильинична.

Тут Васса не выдержала и сказала, обращаясь сразу ко всей троице:

– Я инвалид.

Машенька с Дашенькой вздрогнули, словно испугались, но на Ильиничну это заявление не подействовало, нет. Она продолжила с каким-то вызовом:

– Хех, инвалид она... да на тебе пахать надо, милая!

И тут у Вассы словно что-то переключилось в голове. Она медленно принялась расстегивать молнию на платье.

Машенька с Дашенькой растерянно захлопали глазами, а вот Ильинична произнесла с интересом:

– Гляньте, она стриптиз, что ли, собралась нам показывать... маленько ошиблась адресом, милая...

Васса никогда и ни перед кем не раздевалась. Никто не видел ее тела. За исключением, разумеется, тети Поли и Демьяна Демьяновича, доктора. Она одевалась всегда в закрытые, с высоким воротом, платья или рубашки. Обнажить хоть кусочек своего тела на публике? Да такое просто невозможно. Но сейчас, верно, Васса была совсем не в себе, так ее довели эти злые тетки.

Васса расстегнула молнию почти до пояса и распахнула борта платья. Там, на ее теле, она знала, ровно посередине, от

ключиц и ниже, почти до самого пупка – был широкий, выпуклый, ярко-малиновый (не теряющий своего интенсивного цвета даже со временем) шрам. Шрам после сложнейшей операции на сердце, которую ей когда-то провел Демьян Демьянович, тем самым зачем-то продлив невеселую Вассину жизнь. Шрам, перечеркнутый поперек самым простым белым лифчиком, словно бинтом.

Машенька с Дашенькой уставились на этот шрам и мгновенно побледнели, выражение их лиц поменялось. Растерянность, страх... и сожаление. Потом жалость. Раскаяние...

– Простите, – прошептала Машенька.

– Извините, девушка, – неловко пробормотала Дашенька. – Сидите-сидите, ну кто ж знал... Ох, как нехорошо вышло. Простите.

– Простите, простите! – пролепетала Машенька.

Но лицо Ильиничны не выразило ни раскаяния, ни сожаления. Лишь одну досаду, из серии – надо же, не получилось... не вышло спектакля. Сорвали его на самом интересном месте!

Васса быстро застегнула молнию обратно. Вдруг почувствовала, что руки у нее дрожат. От какого-то странного, непривычного, совсем не свойственного ей чувства. От злости?..

– Да что ж вы молчали, что инвалид? – отступая, недовольно произнесла Ильинична. – Сразу бы объяснили ситуацию... Нарочно, что ли, нас дразнили? Развлечение такое –

окружающих в неловкое положение ставить?

– Я вам сразу об этом сказала, – быстро ответила Васса. – Но вас это не остановило. Потому что вы любите заниматься этим самым... провокациями! Спорим, вам нравится всех обижать, задевать, выводить на эмоции?

Никогда до этого момента Васса ни с кем не пререкалась вот так, вслух. Мысленно – да, сколько раз проговаривала про себя обличительные вещи, но тут ее словно прорвало. Она *открылась*.

На них уже все оглядывались в трамвае, перешептывались – что случилось? Из-за чего конфликт-то там вышел, на задней площадке? Даже внимание публики Вассу не остановило.

– Вы злая женщина, – произнесла она негромко, но отчетливо, глядя в круглые от изумления глаза Ильиничны. – Я вас прямо насквозь вижу.

Ильинична не стала отвечать, она невозмутимо пятилась прочь, а вот Машенька с Дашенькой продолжали лепетать что-то, пытаясь оправдаться.

...Когда-то давно, в детстве, Васса думала, что взрослые – они другие. Они умнее, лучше, выдержанней, разумнее детей. Нет, есть какие-то непутевые взрослые, или гормоны и болезни тоже, говорят, на поведение влияют, но такие люди – странное исключение, а в основном взрослый возраст должен накладывать отпечаток на сознание и поведение человека.

Сегодня же Васса осознала вдруг, что внутренняя сущность человека остается неизменной на протяжении всей его жизни. Характер не меняется. Что с того, что эта Ильинична уже давным-давно почтенная дама на вид. Там, внутри ее, все та же вредная девочка, любящая задевать всех, кто кажется ей слабым, и для того она собирает вокруг себя группу поддержки, состоящую из таких вот «Машенок» и «Дашенок», которые, в общем, являются обычными людьми, даже не злые они совсем, если разобраться... И совесть у них есть, да и не глупые они. Просто, как и в детстве, эти «девочки» любят сбиваться в стаи, под крыло какого-нибудь лидера.

А раз люди не меняются с возрастом, то это значит, что и ей, Вассе, всю жизнь, до самой смерти, быть пугливой мямлей, ни на что не способной, сидящей на шее своей единственной тетки.

Или же можно измениться, если все это вовремя понять, увидеть свою слабость? И нечеловеческим усилием все-таки переделать свой характер? Тем более что ее там, той жизни, осталось Вассе...

Другой момент. Смысл всерьез воевать с какими-то тетками в трамвае, думать еще о них... Пожалуй, если уж и становиться наконец взрослым человеком, то надо выбирать, с чем или кем воевать, а на что и внимания обращать не надо... Если в будущем какая-нибудь «Ильинична» вздумает затеять с Вассой войну, то просто не следует вступать в эту войну, надо как-то хитро себя повести, что ли?..

Обо всем этом стоило серьезно подумать.

Но не сейчас. Потому что сейчас – нужная остановка.

Васса встала, протиснулась сквозь толпу и постаралась с достоинством выйти из трамвая. Бульк! Ноги сразу оказались по щиколотку в воде. И даже через верх сапога перелились брызги, стекли вниз. Васса ощутила холодную воду внутри сапога и поморщилась.

...Кардиодиспансер – одно из самых современных зданий в Кострове. То есть это был большой сарай без окон, из темного, глянцевого, самоочищающегося материала, напоминающего непрозрачное толстое стекло.

В кардиоцентре, единственном, наверное, во всем Кострове строении, вход располагался не на уровне земли, а выше. Ко входу вели ступени с одной стороны, с другой располагался пандус.

Васса поднялась по пандусу, привычно вздернула лицо вверх, подставляя его очередному тепловизору. Затем провела ладонью правой руки, той, в которую был имплантирован чип, перед панелью на передней двери, без единой скобы или ручки.

Щелк – дверь медленно сдвинулась вбок, сама.

Васса зашла внутрь, в тесный «предбанник» со стенами золотистого цвета.

– Васса, закройте, пожалуйста, глаза для санобработки, – раздался механический голос. Васса послушно закрыла глаза, и откуда-то сверху и со всех сторон ее обдало потоком

тепловатого воздуха. – Можете открыть глаза. Пожалуйста, проходите.

Васса оказалась в следующем помещении – гардеробной, там повесила плащ на вешалку, зонтик поставила в углу, на специальную подставку. Стянула с себя резиновые сапоги, переобулась в одноразовые тапочки. Гелевого санитайзера здесь не было, у дверей, ведущих в глубь здания, стоял дорогой ультразвуковой. Туда просто надо было сунуть руки буквально на пару секунд. Руки полагалось обрабатывать отдельно и особо тщательно.

Затем очередная санобработка со всех сторон, опять пришлось закрыть глаза.

Лишь после этого Васса попала в «чистую» зону.

...Длинный серо-голубой коридор. Запах лесной свежести. Так пахла отдушка, но дорогая отдушка, приятная. Васса знала, что здесь, в диспансере, одном из немногих учреждений в городе, имелась система внутренней фильтрации воздуха. Точно такие же системы применялись и в самолетах, например. Воздух очищался от вредных примесей, а ультрафиолетовые лампы внутри фильтров убивали вирусы... В самолетах Васса никогда не летала, да и мало кто, по нынешним временам, мог позволить себе это удовольствие (разве что очень богатые люди да чиновники или главы правительств), поэтому каждый раз, оказавшись в диспансере, она воображала себя пассажиркой самолета.

Именно такие фильтры когда-то обещали поставить в

транспорте и в обычных домах, но пока в мэрии не хватало на это средств.

Поворот коридора, еще поворот... Навстречу Вассе шел высокий молодой мужчина в белом медицинском халате, с белыми волосами и светло-серыми глазами. Это был один из знакомых докторов, Алексей Владимирович, или просто Алекс. Так Васса привыкла его звать с детства. Алекс – психотерапевт, иногда он беседовал с Вассой у себя в кабинете, но на какие-то странные темы. Из серии – что снилось, о чем думаешь и всякое такое прочее. Васса относилась к этим беседам как к какой-то формальности. Никаких чувств доктор Алекс у нее не вызывал. Очень холодный, очень спокойный человек с абсолютно механической улыбкой на лице...

– Здравствуйте, Алекс.

– Здравствуй, Васса. К Демьяну Демьяновичу?

– Да.

– Все в порядке?

– Н-не знаю... Я на плановый осмотр...

В конце коридора – дверь с табличкой, оповещающей о том, что здесь ведет прием профессор медицины Демьян Демьянович.

Васса провела ладонью правой руки перед панелью на двери. Она мягко и тихо поползла в сторону.

– Васса... – Из-за стола поднялся профессор Демьян Демьянович. Невысокий, темноволосый, худощавый, с узким длинным лицом и вечной щетиной на подбородке. Кажется,

этот человек совершенно не менялся внешне. Или все-таки изменился за последние годы? Ну да, щетина стала уже наполовину седой. – Рад тебя видеть. Как добралась?

– Нормально.

– Да где ж нормально, наш Костров на Венецию теперь стал похож! Почему одна, без тети?

– Не могу я ее в такую погоду из дома вытаскивать, – пожала плечами Васса. – Она хотела, но я ее отговорила.

– Давай послушаю тебя...

Демьян Демьянович вставил в уши дужки фонендоскопа, принялся прослушивать Вассу спереди и со спины. Слушал и чего-то хмурился.

– Идем... На томографе еще тебя посмотрим.

... Чего только не делал в этот день Демьян Демьянович с Вассой – и в томограф ее клал, и перед какими-то приборами ее ставил, просвечивал, проводами с датчиками обматывал.

Потом они опять оказались в кабинете у доктора. Вассу он попросил посидеть в кресле, а сам устался в экран монитора, на котором отображались результаты всех обследований. «Точно помру скоро, – мрачно подумала Васса. – Вон он как хмурится и подбородок все время трет!»

– Мне иногда кажется, что я чувствую свое сердце, – вздохнула Васса. Она не жаловалась, нет, она просто хотела поделиться с доктором мыслями.

– Что именно ты чувствуешь? Болит? Щемит? Колет? – с тревогой спросил профессор.

– Нет, не болит и не колет... Но временами ощущаю какую-то тяжесть вот здесь, в груди. И шевеление. Сердце может шевелиться? Как будто во мне... ребенок? Только вот он почему-то не в животе, а выше. Но откуда у меня может быть ребенок. Я же ни с кем никогда... Или нет, не ребенок, а Чужой, есть такой старый фильм...

– Васса, детка, ну что за ерунда у тебя в голове, – вздохнул Демьян Демьянович. – Ребенок, еще Чужого вот какого-то придумала... это твое сердце, правда. Иногда сбивается с ритма, пульсирует, и действительно кажется, что оно шевелится. А не похоже оно на шевеление лягушки? Между прочим, раньше такие симптомы и называли «грудной жабой».

– Ну да, похоже на шевеление жабы, – вздохнула Васса. – Какая гадость. Ненавижу себя.

– Ты просто не можешь смириться со своей болезнью...

– Я никогда с ней не смирюсь, – с раздражением произнесла Васса. – И зачем вы когда-то меня спасли, не понимаю. Дали бы мне умереть нормально!

– Тебе не нравится твоя жизнь, детка?

– Нет, конечно! – сварливо произнесла Васса. – Только не говорите мне про жизнь, у меня нет жизни, у меня – существование.

– Я, пожалуй, сейчас позову Алекса, пусть он с тобой побеседует...

– Да не нужен мне этот Алекс! Я хочу на работу устро-

иться и тете помогать. Хоть какой-то толк должен от меня быть?!

– Тетя тебя об этом просила?

– Нет, тетя Поля никогда ничего не просит, она вообще ангел, тянет меня на себе... Это я, я хочу ей помочь, я чувствую перед ней вину!

– Тебе нельзя работать. Тебе нельзя напрягаться, нервничать, переживать...

– Ха! Я от того переживаю, что совсем никчемная... И вообще, – неожиданно озарило Вассу. – Я совершеннолетняя уже, так? Значит, имею право принимать решения сама. И вы мне не указ, Демьян Демьянович. Я к вам больше не приду.

– Но чтобы получать пособие по инвалидности, ты должна постоянно наблюдаться...

– Плевать на пособие. Если у меня такое плохое здоровье, как вы говорите, я все равно долго не протяну.

– Ты можешь умереть...

– Да я хочу умереть, хочу, неужели вы это так и не поняли?! – всплеснула руками Васса. – Мне никакой радости от этого унылого существования, мне жалко тетю, она единственный родной человек мне, за что она мучается со мной...

Вассу словно прорвало. Она говорила и говорила – о том, что не знает, куда деваться от стыда и тоски, которые постоянно терзают ее, что от мыслей о том, что ей никогда не

стать нормальным человеком, ей уже и ночью не спится... Как жить, когда впереди пустота? И никакой возможности стать профессионалом в чем-то, в каком-либо деле, и никакой надежды обрести свою собственную семью.

Допустим, о своей собственной семье Васса не думала. И о любви тоже. Кому она, Васса, нужна, невозможно же найти молодого человека, согласного терпеть возле себя такую уродину, с этим ужасным шрамом на теле. Но надо же как-то убедить Демьяна Демьяновича в своей никчемности!

– Стоп, Васса, стоп, – постучал он ладонью по столу посреди ее страстного монолога. – Я тебя понял. Ты устала от своего нынешнего распорядка. Тебе нужны новые впечатления. А почему бы тебе не начать снимать кино? Сейчас очень многие этим занимаются. Можно зарабатывать неплохие деньги, не выходя из дома. У тебя прекрасно развито воображение, вон как ты убедительно рассказала мне о Чужом у себя в груди... Запишись на онлайн-курсы по кинематографии, или как это сейчас называется... Освоишь программу и начнешь придумывать свои истории.

Васса поняла, о чем сейчас толковал профессор.

О том, что неплохо бы ей заняться модной нынче компьютерной анимацией. Она существовала с давних пор, в основном в виде мультфильмов с фантастическими персонажами или антропоморфными животными и прочими невероятными существами. Или с ее помощью, вернее, с помощью компьютерной графики, когда-то создавали спецэффекты в

обычном кино... Но раньше снимали живых людей, то есть актеров. Это было *настоящим* кино.

Сценарист писал сценарий, продюсер решал, работать с этим сценарием или с другим, в создании фильма участвовали режиссер, костюмер, другие профессионалы, те, что занимались звуком, реквизитом и прочим. Оператор снимал на камеру актеров, потом монтаж всего изображения и озвучка...

Сложный, долгий, очень дорогой процесс, требовавший много денег. Искались какие-то специальные помещения, устанавливались декорации...

И все это для того, чтобы история на экране приобрела реальный вид, стала живой. А анимационные фильмы зрители тогда воспринимали больше как мультики.

Все потому, что человеческое тело – сложная конструкция. Движения корпуса, рук и ног, повороты головы, артикуляция губ при разговоре, как развеваются волосы на ветру у человека, сминаются складки его одежды, словом, вся это биомеханика – поначалу не поддавалась программе... А еще надо создать естественный фон – как качаются ветви у деревьев, ложатся тени на землю и прочее...

Человеческий глаз умел отличить настоящего и живого актера от нарисованного, от созданного программой. Мало того, слишком уж правдоподобная картинка даже раздражала зрителя. Когда до идеала оставалось вроде бы совсем чуть-чуть! Но какие-то мелочи, нюансы вдруг начинали сби-

вать с толку, напоминали – а это все ненастоящее. И «откровенно мультяшные» мультфильмы воспринимались зрителем лучше, чем тщательно просчитанная «реальность».

Но в какой-то момент создателям программ удалось перешагнуть последнюю черту, отделяющую рисунок от живой картинки. И зритель уже не мог определить, где перед ним актер, а где – компьютерный персонаж, где пейзаж снят оператором в реальности, а где – нарисован с помощью новых технологий.

Погружение в действительность в один прекрасный день стало абсолютным.

К тому моменту индустрия кино и без того переживала не самый легкий период. Люди в период локдаунов привыкли смотреть кино дома, и кинотеатры теряли зрителей. Актерам и создателям фильмов тоже мешали частые карантинны. Как всем собраться вместе для съемок, если велика опасность заразиться в этот период? А долгие простои только ухудшили ситуацию, сделали кино слишком дорогим удовольствием.

И кино, то самое, привычное, с живыми актерами и живой натурой, исчезло навсегда. Ровно в тот момент, когда компьютерная графика перестала отличаться от картинки, снятой в реальности, с реальными людьми. Фильм теперь можно было сделать тоже дома, самому. Одному! Без съемочной группы...

Поначалу этим занимались те, кто был близок к кинематографу, а потом, когда программа, с помощью которой можно

было снять фильм, подешевела, стала доступной – уже всем, кому не лень. Любой человек мог теперь создавать полнометражные фильмы и сериалы. Конечно, на экраны выходило много шлака и ерунды, но за хороший продукт зрители были готовы даже заплатить.

...Вот какую работу предлагал сейчас Демьян Демьянович Васса.

– Нет, – подумав, с тоской произнесла она. – Не мое это. Не хочу. Я совсем не творческий человек. Да вы меня не поняли, Демьян Демьянович. Я хочу не дома сидеть, а что-то делать. Полезное! Например, заняться доставкой.

– Детка, это тяжелый труд! – опешил тот. – Нет-нет, только не доставка!

– Ну, я не знаю, тогда пойду работать в Фудкорт, – упрямо заявила Васса. – Уборщицей или посудомойкой. Или к какому-нибудь повару в помощники.

– Еще не легче! – возмутился доктор. – В Фудкорт... это же рассадник бактерий и вирусов, как его только не закрыли до сих пор...

– А я хожу в Фудкорт иногда, – мстительно призналась Васса.

– Ты туда ходишь? И это при тете Поле, которая такая знатная кулинарка... Тебе же даже доплачивают за то, что ты питаешься дома!

– Ну, когда хожу в Фудкорт, то не доплачивают, – пожалала Васса плечами. – И это, кстати, тоже важный момент. Вот

смотрите, Демьян Демьянович. Тому, кто готовит сам и в Фудкорт не ходит, доплачивает государство. Типа домашняя еда полезней, гражданин, ты молодец, что не ешь фастфуд, и все такое... А по факту это что получается. Тетя Поля заказывает продукты в пункт самообслуживания и потом сама все на себе несет домой. Курьеров она на дом не пускает, боится, что они могут заразу к нам притащить. Потом она все купленное моет, чистит, режет, готовит... Куча ее времени и сил уходит на готовку. И все это ради меня, больной. Нет уж. Я буду ходить в Фудкорт, чтобы облегчить жизнь тете Поле. Я буду работать и приносить ей деньги, чтобы она больше ни в чем себя не урезала.

– Это похвально, – опять принялся тереть подбородок Демьян Демьянович. – Но сама подумай. Одно дело – отправиться в Фудкорт перекусить, а другое – торчать там целый день. Целый день работать среди носителей всякой дряни!

– Там дезинфекция, и вообще...

– Васса, нет, только не работа в Фудкорте! Давай вот что сделаем. Ты сейчас пойдешь к Алексу, он с тобой побеседует, посмотрит на твое психологическое состояние. А потом мы с ним, если уж тебе так приспичило, попробуем подобрать оптимальное место работы. Но только если Алекс не против!

Васса возликовала, хотя постаралась не показывать виду. Она отправилась к Алексу.

...Кабинет психотерапевта был роскошен: экран на стене

– имитация рыбок в аквариуме, приглушенное освещение, едва слышная музыка, удобная лежанка...

И все хорошо и уютно, неуютен только сам Алекс – холодный и непроницаемый, как робот. Человек без намека на какие-либо эмоции... Или такими и полагалось быть всем психотерапевтам?

– Здравствуй еще раз, Васса. Располагайся, как тебе удобно.

Васса плюхнулась на лежанку, отчего та скрипнула и немного сдвинулась с места, сложила руки на груди и закрыла глаза.

– Как ты себя чувствуешь, Васса?

– Я на грани. Сегодня я поругалась в трамвае с людьми.

– Я выпишу тебе успокоительное. Что у тебя со сном?

– Ужасно. Не могу заснуть, а потом засыпаю, но опять просыпаюсь, под утро... И днем хожу как вареная.

Алекс задавал эти скучные вопросы, а Васса ему отвечала. Психотерапевта волновали какие-то мелочи: о чем она думала вчера, что она чувствует, когда идет дождь, не испытывает ли беспокойства в разные периоды суток... Но, как ни странно, к концу беседы Васса успокоилась, словно весь смысл этой беседы заключался не в вопросах, которые задавали Вассе, а, например, в их последовательности. Или в самом голосе Алекса...

«Я к нему несправедлива. Все-таки он хороший специалист, – подумала Васса. – Сколько лет его бесполезным счи-

тала, а нет, толк от него есть...»

– Алекс, скажите Демьяну Демьяновичу, что я вполне смогу работать. Иначе я совсем с ума сойду, честное слово...

– О, ты мне указываешь, что делать, – усмехнулся Алекс. – Ладно, полежи тут, я пока переговорю с ним.

Алекс ушел надолго, Васса даже успела задремать на кушетке.

– Васса...

– Да? – Она быстро села, пригладила пряди волос, выбившиеся из косы. Перед ней стояли Демьян Демьянович и Алекс. – Что?

– Васса, эта идея – пойти тебе поработать – не самая лучшая, честно признаюсь, – хмурясь, начал Демьян Демьянович. – Твое здоровье слишком слабенькое, оно может не выдержать тяжелого физического труда и контакта с большим количеством людей. Но... Но. Короче, мы с Алексом, посоветовавшись, решили не спорить с тобой. Хочешь работать – иди работай.

– У меня, то есть у нас, есть связи с руководством завода по производству потуса, – продолжил бесстрастно Алекс. – Я могу поспособствовать, чтобы тебя туда устроили на какую-нибудь простую и не требующую физического и нервного напряжения должность.

«Почему не завод?» – подумала Васса. И сказала:

– Да. Согласна.

– Хорошо, – кивнул Алекс. – Завтра напишу, что да как,

сброшу тебе на почту все координаты и сведения.

– Спасибо, Алекс. Спасибо, Демьян Демьянович! – возликовала Васса.

– Ну, иди, детка, а то уже поздно.

Васса попрощалась с Демьяном Демьяновичем и Алексом и заторопилась домой. Когда она шла к выходу по длинному пустому коридору, то подумала, что ей очень повезло с врачами. И с самим этим кардиодиспансером.

Насколько Васса была осведомлена, попасть сюда не так просто. Диспансер являлся государственным учреждением, но не всем давали направления сюда. Здесь лечили какие-то особо тяжелые случаи. Вот как у нее, у Вассы. Да и Демьян Демьянович, что когда-то ей провел операцию на сердце, не захотел расставаться со своей маленькой пациенткой, решил за ней понаблюдать.

В каком-то смысле можно было даже считать доктора родным человеком...

Чудесные люди. Чудесное место.

Вассе тут даже помогли найти работу...

Васса вышла на улицу, тяжелая входная дверь за ней с мягким шорохом задвинулась.

Дождь лил все так же. И еще на город спустилась темнота. Тускло светили фонари – на электричестве городские власти откровенно сэкономили. Впрочем, сейчас сэкономил весь мир...

Васса остановилась перед надземным переходом, чтобы

перебраться на другую сторону дороги. По мостовой текла сплошным потоком дождевая река. Улица была почти пуста, лишь неподалеку, слева, маячил фургончик доставки. Справа показался трамвай.

Она не любила это место – напротив кардиоцентра, у дороги. Имелись на то причины... О которых никогда не забыть.

Васса поспешила вперед, поняла, что попала в глубокую выбоину, затем огляделась, пытаясь выбраться туда, где воды было поменьше, и неожиданно очутилась перед тем самым небольшим фургончиком с надписью на капоте – «Пирог». Под надписью рисунок ватрушки, от которой вверх поднимался горячий пар.

Как этот фургончик оказался рядом?

Васса сделала шаг назад, и фургончик тоже развернулся за ней, рывком. Васса сделала еще шаг, и авто опять двинулось за ней. Происходящее казалось невозможным, нереальным, поскольку все современные машины были оснащены системой безопасности. Если водитель не заметил препятствия или же не рассчитал что-либо во время движения – система немедленно реагировала. Дорожных происшествий почти не случалось.

«Да что ж это творится-то сегодня! – с ужасом подумала Васса. – Одни неадекватности какие-то вокруг! Или история *повторяется?*»

Трамвай медленно «плыл» по рельсам к остановке на про-

тивоположной стороне улицы.

Васса стояла посреди проезжей части одна-одинешенька. Никто не мог прийти ей на помощь.

Вдруг она увидела, что водитель фургона (кто именно, мужчина или женщина, молодой или в возрасте, не понять в полутьме, поскольку на лице у человека маска, глаза спрятаны за очками, сверху надвинута кепка) открыл дверцу, чтобы выйти. И сзади, из фургона, вроде тоже кто-то выходит – распахнулась одна из задних створок. А зачем они все выходят? Чтобы напасть на нее, одинокую прохожую?! Затащить внутрь фургона?

Васса сама от себя не ожидала, что она умеет так быстро бегать. Но она, поднимая тучу брызг, стремительно преодолела водный поток, затем полетела по противоположной стороне тротуара, к остановке, и опомнилась только перед раскрывшимися дверцами трамвая. Подняла лицо к тепловизору, затем заскочила внутрь салона.

Сердце у нее билось как сумасшедшее. «Сейчас точно помру», – одной рукой держась за грудь, в другой сжимая зонтик, подумала Васса. Отдышалась, провела ладонью правой руки перед экраном валидатора и села на свободное место. Про то, что она без перчаток и что надо обязательно воспользоваться санитайзером, Васса напрочь забыла.

Дверцы медленно закрылись, трамвай поехал.

Что там осталось за окном, кто скрывался в мокрой темноте – уже не разобрать.

«Что это сейчас такое было? – подумала Васса. – Меня хотели похитить, или мне это показалось?»

С ней такое бывало. Когда от ощущения полного отчаяния и безнадежности ей вдруг начинали мерещиться всякие ужасы. То воры лезут в квартиру через окно, то землетрясение началось, то вот прямо сейчас бандиты из-за угла выпрыгнут... Но потом каждый раз выяснялось, что все в порядке и нет повода опасаться. Воры оказывались большой вороной, вздумавшей пробежаться с грохотом по карнизу, землетрясение объяснялось тем, что сосед снизу в кои-то веки вздумал «тягать» штангу, ну а бандиты за углом – просто веселая компания. Демьян Демьянович говорил, что все эти страхи у Вассы, возможно, одно из проявлений панических атак.

И в этот раз, с фургоном доставки, не исключено, Вассе опять примерещилась опасность. Водитель там парковался с намерением разгрузиться, а Васса восприняла эти дорожные маневры как нападение на себя.

Ну кому она нужна? Упитанная девица, невзрачная настолько, что вряд ли могла заинтересовать даже самого отъявленного маньяка.

Васса пристально взгляделась в свое отражение в стекле напротив. Ничего особенного. Бледная и сероватая кожа. Темные, но все равно какие-то невзрачные брови, короткий нос, страдальчески стиснутые губы... Круглый, чуть выдающийся вперед лоб, как у людей на старинных портретах.

Лбы у многих молодых людей сейчас такие, это все последствия рахита, поскольку дети почти не гуляли из-за частых карантин, им не хватало солнца, а по поводу витамина D (восполняющего недостаток солнечного света), хоть его и активно использовали, продолжали идти ожесточенные споры – спасает он или больше вредит побочным действием и как правильно рассчитать нужную дозу...

Волосы убраны назад. То есть пухлая мордочка Вассы была полностью открыта, безжалостно обнажена во всей своей заурядности. А как не убирать волосы, не заплетать их, если к ним, говорят, вся зараза, летающая вокруг, липнет? Стрижки, даже короткие, в этом смысле тоже не образец безопасности. Нет, некоторые девушки и женщины ходили с распущенными волосами, с самыми разнообразными стрижками, поскольку не запрещено. Но все знают – небезопасно. Самая распространенная прическа сейчас – пучок или коса. Только не хвост! Еще вот шапки многие носили, даже летом, пряча под ней волосы. Некоторые и вовсе брились налысо. Экономно и гигиенично. Парикмахерские и все эти салоны красоты как массовое явление остались в прошлом. Лишь отдельные и редкие заведения еще работали... Смысл, если сейчас безопасность превышает так называемой красоты! Да и потом, во время очередного карантина все равно все по домам сидят.

Нет, допустим, есть страшенькие девушки, и что с того, они как-то умеют привлечь к себе внимание, словно внутри

их горит огонек. Васса же как погода нынче – сплошная вода, сырость, серость, слякоть, влажный туман над болотом. Вассу никогда и никто не замечал, и как сексуальный объект она даже маньяка не смогла бы привлечь.

«Да и какие маньяки в наше время? – с раздражением одернула себя Васса. – Когда у всех чипы, камеры везде...»

Она немного успокоилась, но потом ей пришла в голову очередная ужасная мысль. На том фургончике была надпись «Пироги». Неспроста, ой, неспроста... Если Вассу сейчас пытались поймать вовсе не для сексуальных утех, а, скажем так, для кулинарных?

Тогда все сходится. С комплекцией как у Вассы – только на пироги. Вернее, на начинку для них...

Васса чуть не разрыдалась, потом опять стала себя успокаивать тем, что в наше время такое невозможно: чип же внутри, и видеокамеры вокруг, и вообще... Есть люди и потолще! «Это что же получается, я не только для маньяков не годна, но и каннибалов-кулинаров тоже не способна привлечь? Вот невезуха...» – она, вытирая слезы, нервно хихикнула. Потом подумала, что Демьян Демьянович ей дело сказал – с таким воображением только кино снимать. Какие-нибудь хорроры-триллеры.

Васса вышла на своей остановке и перед домом чуть не упала в полутьме в лужу. «Это у меня от безделья уже крыша едет. Пойду на завод работать и перестану ерундой страдать!»

Звякнул телефон, оповещая, что пришло сообщение. Васса взглянула на экран – оказывается, с ее счета уже списали штраф. За то, что забыла воспользоваться санитайзером в трамвае... «А, плевать. Это уже мелочи какие-то...»

Васса поднялась по ступеням железного, недавно сооруженного крыльца (прежний вход в дом, что на уровне земли, был переоборудован, «поднят» в связи с наводнением), провела ладонью правой руки перед замком. Вошла в подъезд, спустилась, опять же по железным ступеням. Внизу растеклась лужа, верно, не так все хорошо тут переоборудовано было. «Надо тете Поле сказать, чтобы она в управляющую компанию сообщила...»

Оставляя за собой мокрые следы, Васса зашлепала по ступеням вверх.

Третий этаж. Знакомая и родная дверь.

Едва только Васса приблизилась к ней, дверь распахнулась. На пороге стояла тетя Поля. Пахло чем-то вкусным...

– А я вот услышала, как домофон дзынькнул, и поняла, что ты в подъезд зашла, – радостно сообщила тетя. – Что так долго-то? Я уж собиралась тебе звонить.

– Сегодня затянулось чего-то, – пожаловалась Васса. – И трамваи стояли из-за дождя.

– Надо было мне с тобой ехать, говорила я! Погоди, с тебя вода течет, я сниму...

Тетя Поля помогла Вассе снять плащ, убежала с ним и с зонтиком, потом вернулась и принялась помогать Вассе стас-

кивать сапоги с ног.

– Тетя, да я сама... ну ты что, я же уже давно не ребенок!

– Ты для меня всегда ребенок, – упрямо возразила тетя Поля. – Голодная? Я пирог с мясом испекла.

– Ой. С мясом...

– А что, не то? Надо было с капустой?

Тетя Поля бегала вокруг, хлопотала... Напомнила, что надо сразу руки пойти помыть (о чем Васса и сама прекрасно помнила), потом стояла в дверях ванной и наблюдала.

Пока Васса мыла руки, то смотрела в зеркало и тоже наблюдала – там как раз отражалась тетя Поля, стоявшая сзади. Васса любила тетю до беспамятства. Единственный родной человек, оставшийся возле нее.

Тетя Поля – невысокая, не худенькая, но и не толстая, с этим вечным пучком на затылке, свитым из неопределенного цвета волос, серо-рыже-русых каких-то, простым круглым лицом, с глазами тоже неопределенного оттенка, в зависимости от освещения, они казались то карими, то зелеными, а то и вовсе принимали болотный оттенок. Словом, тетина внешность являлась самой что ни на есть обычной и незапоминающейся, но Вассе тетя казалась образцом сдержанной женственности.

Возраст тети Поли приближался к пенсионному, но на самом деле она уже давно являлась пенсионеркой, поскольку работала в молодости на вредном производстве. Завершение рабочего стажа и сиротство Вассы совпали по времени. Бук-

важно вот только тетя Поля распрощалась со своей тяжелой работой, ей тут же на руки свалилась троюродная племянница. «Ну как я могла от тебя отказаться, девочка моя? – не раз, вздыхая и одновременно улыбаясь светло и задумчиво, вспоминала тетя Поля. – Сама судьба свела нас вместе...»

– Руки мой тщательней... Помню, в мое время все в резиновых перчатках ходили. А то и из целлофана. Во как! И маски были одноразовыми. А сейчас... – Тетя Поля безнадежно махнула рукой. – Вам, молодежи, легче живется, не то что нам в свое время досталось.

– Говорят, вредно для природы. Целые мусорные горы выросли из этих одноразовых средств защиты...

– Ну я не знаю... Теперь поздно жалеть. Садись вот.

Васса расположилась на кухне, за круглым столом. Перед ней на тарелке лежал пирог. Идеально-красивый, словно на картинке – ровный, золотистого цвета. Тетя Поля отрезала Вассе кусок. Начинка еще испускала пар и пахла необыкновенно аппетитно. Глядя на этот кусок, Васса и думать забыла о сегодняшнем происшествии на дороге. То была случайность, никто не собирался похищать Вассу и пускать ее на пироги. И о скандале в трамвае тоже следовало забыть, как и о том, что живут на свете злыдни, подобные Ильиничне. Поскольку на свете существует тетя Поля, словно в противовес. Добрейшее создание, способное искупить собой все недостатки человечества.

– А ты? Присоединяйся... – сказала Васса.

– Я уже перекусила. Сыта. – Тетя Поля села напротив Вассы, подперев голову рукой.

Васса вдруг вспомнила, что этим утром заходил Володя – так называли слесаря из управляющей компании. Немолодой и, кажется, пьющий дядька. Спросил, как кран в ванной, не подтекает ли опять. Васса сказала, что нет, и Володя ушел.

На самом деле этот Володя хотел увидеть тетю Полю. Однажды он уже как-то заявился, и Васса угостила его чем-то вкусным, что перед тем напекла тетя. Просто неудобно стало, пришел человек, а тут на столе огромное блюдо с дымящейся выпечкой. Как не предложить... Тетя тогда, как и этим утром, ушла в пункт самообслуживания, за продуктами, что ли...

Володя съел угощение, спросил у Вассы, кто его делал, услышал ответ, и его лицо приняло тревожно-вдохновенное выражение. Именно с тех пор он, судя по всему, и положил глаз на тетю Полю.

Тетю же Полю этот слесарь Володя совершенно не интересовал. Она его недолюбливала и избегала.

Васса как-то давно спросила тетю, были ли в ее жизни серьезные отношения с противоположным полом. Тетя сказала, что были, но лучше ее на эту тему не расспрашивать, потому что ей больно вспоминать, поскольку тот человек, из ее молодости, тетю Полю бросил и ушел к ее подруге. Васса больше не беспокоила своим любопытством тетю, жалела ее. Но думать о том, что тетя еще может найти свое счастье в

личной жизни, Васса не переставала.

Вот этого пьющего слесаря можно рассматривать в качестве тетиного жениха или лучше не надо?

– Что Демьян Демьянович-то сказал? – спросила тетя Поля, одобрительно наблюдая за тем, как Васса уплетает пирог.

– А... забыла. Представляешь, он разрешил мне работать.

– Работать?! Тебе?!

– Ага, – отодвинув от себя пустую тарелку, с гордостью произнесла Васса. – Пойду на завод по производству потуса.

– Этой дряни? Ой-ой, что творится-то...

– Тетя Поля, потус – обычный напиток. Это не алкоголь.

– В моей молодости, помню, газировку все пили, а теперь потус этот придумали!

– И хорошо. В газировке много сахара, она вредная, а в потусе его почти нет.

– Все равно гадость.

– Да какая разница, я ж его не буду пить, я его делать буду! – засмеялась Васса.

– Ох ты... Ну ладно, если уж Демьян Демьянович тебе разрешил... – махнула тетя Поля рукой.

– Ты ведь тоже когда-то на заводе работала? Расскажи!

– Да что там рассказывать... Работа в металлургии не самое легкое дело. Я и в прокатном цеху обреталась, и в литейном, и у мартена стояла, и у доменной печи... Помню, в цеху – как в какой-то сказке, где про гномов рассказывают, добывающих металл... Прямо магия! Льется жидкий металл, ле-

тят искры, а под потолком на высоте – вжих-вжих! – летают огромные детали. Если уж на голову свалятся, каска вряд ли поможет, сразу всмятку. Огонь, мрак, скрежет со всех сторон!

– Тяжело?

– Не то слово! Все с форм начинается. С обычных песочных форм. В них чугун льют... Плывет такой огромный ковш через весь цех, а в нем – раскаленный металл. Человек в стороне крутит особый штурвал, и ковш наклоняется. Из него льется чугун в форму, а его температура – полторы тысячи градусов по Цельсию!

– Теть Поля, а ты в детстве о какой профессии мечтала? – спросила Васса.

– Я? Мечтала? Да что ты! У нас простая семья была, мы тогда на Крайнем Севере жили... Не до мечтаний.

– Но тогда у людей больше возможностей было, – вздохнула Васса. – Ты могла в какой-нибудь институт поступить. Стать доктором. Как Демьян Демьянович!

– Ой, ну что ты, я до ужаса крови боюсь...

Они еще поговорили немного, потом Васса легла спать. Сквозь приоткрытую дверь она слышала, как работает телевизор. Так тетя Поля (да и многие, кстати) по старинке называла переносной монитор. Сейчас тетя Поля смотрела какую-то из своих любимых передач, а сама в это время гладила. Не для того, чтобы разгладить постиранные вещи, разумеется, а чтобы продезинфицировать одежду и белье с по-

мощью высокой температуры.

Часть современной зрительской аудитории предпочитала кино и сериалы. Снятые любителями, с помощью программы. Большинство фильмов бесплатные, не самого высокого качества...

А кто-то из зрителей смотрел музыкальные концерты, балет или театральные постановки, тоже созданные с помощью специальных компьютерных программ – другими любителями домашней режиссуры. Показывали и спортивные состязания, тоже, разумеется, ненастоящие...

Тетя же Поля предпочитала каналы, посвященные приготовлению еды, или еще она смотрела про то, как выращивают цветы и деревья. И они, эти передачи, тоже анимация в чистом виде, но неотличимая от реальности...

Телевизор был включен рядом с тетей целыми сутками, а она в это время что-то делала. Готовила, шила многоцветные защитные маски и перчатки из специальной ткани или гладила. Вот как сейчас.

Последние лет пятнадцать-двадцать такой фоновый просмотр стал особо популярен. Человек что-то делал, а рядом бормотал включенный телевизор с какой-нибудь нейтральной и не вызывающей раздражения передачей. Кулинарное шоу или рыбалка? Да какая разница... Бесконечные карантинны измотали население. А подобный фон снимал стресс, успокаивал.

От обилия информации многие уже устали, некоторые

люди, в основном те, что в возрасте, принципиально не желали слушать новости. Верно, наслушались их в свое время – где какой катаклизм случился, сколько погибло, а сколько выжило. Когда каждый день слушаешь про смерть, уже самому неохота жить...

Другая часть аудитории, молодые люди, тоже предпочитали фоновый просмотр телевизора, но, как показывали исследования, уже по другим причинам. Это потому, что многие из них, молодых, были не в состоянии надолго сосредоточиться. Даже часовую программу, не отвлекаясь, просмотреть целиком они не в силах. Синдром рассеянного внимания! Его причина – избыток информации. Мозг с ней просто не справлялся. Поэтому трейлеры, аннотации, рецензии и обзоры – шли на ура... Зрители знакомились с сутью передачи или фильма, а вот до конца досмотреть их уже не желали.

Часто бывало, что спорили до ожесточения в сети, на каких-нибудь форумах, о фильме или передаче, не ознакомившись с ними даже частично. Это называлось «не смотрел, но осуждаю». Спорили об идее, например, а не о ее воплощении. Часто бывало так: одни фильм посмотрели, другие – лишь часть его, третьи ознакомились только с трейлером, но все перессорились в обсуждении.

Поэтому у Вассы предложение Демьяна Демьяновича – создавать кино на дому – не вызвало энтузиазма. Смысл корпеть над фильмом, если все равно его посмотрят целиком не

все, но переругаются – будь здоров, если найдут в нем что-то не то. Да и талант особый нужен, чтобы фильм стал рейтинговым и за его просмотр охотно заплатили бы.

Впрочем, существовала еще одна часть зрительской аудитории. Вот там собирались вместе фанаты и поклонники определенных жанров и сюжетов. Они смотрели фильмы чуть ли не с лупой, оценивая каждую мелочь, знали наизусть истории героев, обсуждали все на специальных форумах, и этим привередам тоже было трудно угодить.

Васса иногда мечтала о том, что делала бы, если бы жила во времена молодости тети Поли... О будущем сейчас уже мало кто мечтал, но вот вернуться, хотя бы мысленно, в те удивительные и роскошные времена, которые царили лет двадцать-тридцать-сорок назад!

Люди тогда свободно путешествовали, общались, ходили в гости. Никаких туристических квот и закрытых стран! Дети посещали школу, затем многие шли учиться в институт. Буквально ногами туда шли! К тому же многие профессии еще не умерли тогда, другие – не успели заменить программой. Выбирай дело на свой вкус!

Юноши и девушки годами посещали вузы, чтобы изучить какую-нибудь гуманитарную науку. Гуманитарную! Историю, например, или литературу. Или даже философию. Пять лет учить историю, разве сейчас такое возможно?!

Да, а что, собственно, сейчас. Нынче только будущие медики были привязаны к очной учебе и еще какие-то тех-

нические специалисты... Гуманитарии же черпали знания только в сети. Интересует история после школы? Вот тебе, любитель-гуманитарий, онлайн-курс по узким вопросам истории. Мало? Хочешь изучить вопрос основательно? Ты даешь, друг... Тогда найди еще парочку онлайн-курсов с углубленным изучением какой-либо эпохи. Еще?! Дорого? Ну тогда уже сам рыскай по электронным библиотекам в поисках подробностей.

Учить литературе? Да это невозможно представить. От нынешних школьников требовали одно – чтобы они умели читать и более-менее любили чтение, хоть как-то могли рассказать о книгах, которые прочитали. Оценок за чтение никто даже не ставил.

И преподавателей тоже не осталось, они исчезли как профессия, детям теперь действительно преподавали боты. Индивидуально. Один школьник – один бот, который учитывает особенности своего ученика, его сильные и слабые стороны, его развитие, способности, интересы. Это называлось персонализированным методом. Школьный бот анализировал своего ученика, а затем находил нужный алгоритм, помогающий ребенку быстро и без усилий понять предмет.

Но то ли дело школа прошлого... Когда все дети вместе и общаются в реале каждый день! Васса мечтала о таком. О живых подругах, с которыми она играла и училась бы вместе. Сколько чудесных книг в свое время прочитала Васса о школе прошлого – истории о дружбе, любви, взаимопомощи.

Любимые книги детства у Вассы – о приключениях мальчика-волшебника Гарри Поттера. Больше всего Вассе нравилась школа, в которой учились Гарри и его друзья. Наверное, автор все это подсмотрела в своей реальной жизни, а потом переплавila в сказочную форму.

Были, конечно, и какие-то грустные книги о школе, где ученики ссорились между собой, процветал буллинг в классах, но у Вассы эти истории вызывали недоверие. Как такое возможно? Наверное, иным авторам просто нравилось мучить своих читателей!

Была бы она сама писательницей (вот, кстати, еще один вариант современной работы дома, правда, совсем уж малооплачиваемой), то сочиняла бы только сказочные фэнтези-истории.

Например, Васса придумала бы сюжет о девочке-волшебнице. Избранной. Живет она себе не особо счастливо, и тут случается *нечто*. Героине раскрывают какие-то необыкновенные тайны и сообщают, что она единственная, кто может изменить мир.

Впрочем, чего себе голову ерундой забивать. Васса уже давно не читала детских книг и не грезила об участии Избранной. Пустые фантазии все.

Васса в какой-то момент жизни осознала, что чудо невозможно. Она никогда не станет ни умницей, ни красавицей – с ее-то данными. Она никогда не сможет повелевать людьми, влиять на их мнение, поскольку не обладает даром обще-

ния и убеждения. А болезнь Вассы сильно ограничивала ее жизнь, закрывала перед ней многие двери.

Избранность? Это смешно – мечтать о подобном. Надо уметь принять суровую правду о себе и о жизни.

...Васса сомкнула глаза и провалилась в сон. К удивлению, спала она этой ночью крепко и даже ни разу не проснулась.

Утром, позавтракав (тетя Поля сделала сырники, которые щедро полила сгущенкой), Васса заглянула в свою почту.

Письмо от Демьяна Демьяновича уже ждало ее. «Дорогая Васса, Алекс обо всем договорился с заводским начальством. Тебя ждут. Будь там на проходной сегодня, после двенадцати дня. Схема проезда прилагается».

– Тетя Поля! Ты где? Я сегодня иду на работу!

Тетя Поля сидела у себя в комнате перед работающим телевизором и вышивала крестиком.

– Васса, умоляю, держи себя в руках, – подняв голову от пальцев, рассудительно произнесла тетя. – Помни о своем сердце, тебе нельзя волноваться.

– Да, да... но это так странно! Я ведь взрослая? Я взрослая, да?

– Так-то ты взрослая, – вздохнула тетя. – Но я уже повторяла миллион раз – для меня ты всегда останешься ребенком. И не забудь зонтик, сегодня опять идет дождь. Хочешь, я тебя провожу?

– Ты что... Этого еще не хватало, провожать меня до ра-

боты! – возмутилась Васса. – Да меня там все засмеют...

... До завода по производству потуса можно было добраться от центральной площади Кострова. Оттуда ходил специальный маршрутный автобус, только для работников этого предприятия, с надписью на боку – «Потус».

Васса засомневалась, сможет ли она воспользоваться этой услугой, не лучше ли для первой поездки заказать такси, а то ведь эдак и опоздаешь? Но Демьян Демьянович дал именно эту схему, так что, наверное, не стоит придумывать лишнего.

И правда.

Когда Васса зашла в полупустой автобус и провела перед валидатором ладонью правой руки, то списалась одна поездка.

Автобус постоял еще немного, затем дверцы его закрылись, и он плавно тронулся с места. Васса с интересом смотрела в окно, сквозь потеки дождевой воды перед ней открывалась незнакомая часть Кострова. Какие-то ангары, мастерские. Рабочая часть города – скучная и, откровенно говоря, грязная.

Минут через двадцать автобус остановился на небольшой площади. Название остановки не объявили. Редкие пассажиры покинули салон, и Васса тоже вышла из него.

Огромные корпуса. Откуда-то слева, из ворот, выехал большой фургон без водителя, на боку все та же надпись – «Потус».

Васса, шлепая по лужам в резиновых сапогах, направи-

лась вслед за людьми. На площади – газоны, клумбы, залитые дождем, с поникшими прошлогодними цветами, рядом – большие качели. Наверное, тут в обеденный перерыв иногда отдыхал персонал завода.

Стеклянные широкие двери без всяких надписей. Тепло-визор над входом.

Васса подошла к дверям, провела рукой перед электронным замком. Щелчок – и стеклянные двери медленно разошлись в стороны. Это значило, что точно Вассу тут ждали. О ней уже знали.

Предбанник с системой дезинфекции, как и в диспансере. Дальше, в большом холле, за стойкой сидела девушка в смешной шапке с кошачьими ушами.

– Здравсьте, – радостно произнесла она. – Это кто у нас тут? – Девушка взглянула на монитор перед собой, на котором, судя по всему, отразилась вся информация о вновь пришедшей. – А это у нас Васса!

Девушка вела себя совершенно неформально, впрочем, как и выглядела. Вассу это немного удивило, она думала, что на таком серьезном предприятии все, включая и общение, будет серьезным и строгим.

– Васса. Какое шикарное имя! Невероятное! – болтала девица. – У всех красивые имена. А меня родители Леной называли, вот незадача. Проще некуда.

– Почему, тоже красивое имя, – промямлила Васса.

– В наше время, когда уже никто не обращается по отче-

ству, когда и фамилии стали почти не нужны, имя имеет, прошу прощение за тавтологию, колоссальное значение! Потому что контакты представлены именно именем и картинкой, то есть фотографией. Кто запомнит Лену? Да никто. А вот Вассу...

Лена замолчала, уставившись в монитор, затем ее пальцы стремительно запорхали по старомодной клавиатуре, издающей клацанье.

– И что теперь? – нервно спросила Васса.

– Минутку. Да, я закончила, пардон. Можно на «ты»? Я сейчас тебе быстро объясню, как тут все устроено. Короче, давай сюда свою лапку, проверим, что у тебя там с прививками, все ли сделаны... – Васса послушно провела над небольшим устройством, которое ей протянула Лена, правой ладонью. В чипе, спрятанном под кожу, помимо прочего, была еще и вся медицинская информация о Вассе. – Отлично. Все нужные прививки есть, никаких дополнительных анализов не требуется. Но ты учти, у нас тут пищевое производство, все равно контроль...

Лена выскочила из-за стойки, махнула рукой – позвала Вассу за собой.

– Вот тут у нас еще одна зона дезинфекции, – завела она Вассу в следующее помещение. – Глаза закрывай. Я тоже, я с тобой пойду.

Васса привычно зажмурилась, лицо обдало теплым воздухом.

– Все, пошли дальше. Халат возьми. Косынку на волосы. И бахилы, тут бахилы надо надеть... А теперь руки сюда, опять дезинфекция. Все, дальше проще.

– А как косынку завязывать? – спросила Васса, вертя перед собой треугольник белой ткани.

– Да как хочешь! – засмеялась Лена. – Да вот хоть так. – Она накинула косынку на голову Вассе, завязала концы под ее подбородком.

«Наверное, я теперь на матрешку какую-то похожа, – подумала Васса. – Ну и ладно, какая разница, я же сюда работать пришла!»

Они двигались вдоль стеклянной прозрачной стены, за которой возвышались корпуса завода.

– Вот, смотри, – остановилась Лена. – Вон там, где синяя крыша – артезианская скважина. Оттуда берут воду, на основе которой делают потус. А в том здании – система очистки воздуха, там, левее, варочный цех, затем отделение фильтрации, далее цех розлива, ну а в том ангаре – складской комплекс.

– А меня куда определяют? – волнуясь, спросила Васса.

– Я не знаю. Куда Рэм скажет.

Они опять двинулись вперед, затем поднялись по лестнице, проехали в прозрачном лифте, затем спустились по лестнице и оказались в помещении, которое напоминало конференц-зал. Стулья, небольшая кафедра...

– Садись, скоро Рэм придет, я ему уже сообщила, – улыб-

нулась Лена. – Да, и на будущее. Утром и вечером автобус к другому входу подъезжает, куда ты сегодня пришла – там администрация. Ладно, удачи тебе!

Лена убежала, а Васса осталась одна.

Подошла к стеллажу у одной из стен, принялась разглядывать грамоты и медали, разложенные на полках за стеклом, там еще стояли какие-то кубки. Производственные награды? За потус?

Потус Васса не любила. Обычный напиток янтарного цвета с каким-то странным вкусом. Модный. Не сильно сладкий, не кислый, не соленый... скорее чуть горьковатый, отдающий имбирем.

Открылась одна из дверей, в комнату, наклонив голову, вошел молодой мужчина, в белом халате нараспашку, в белой косынке, завязанной сзади наподобие банданы.

– Васса? – спросил он без всякого выражения.

– Да, – кивнула Васса. – А вы – Рэм?

– Он самый. И у нас все на «ты», кстати, – сказал Рэм.

Выглядел этот самый Рэм то ли усталым, то ли недовольным. Смотрел исподлобья, не улыбался. Такой контраст с веселой Леночкой!

– Пошли за мной. Я теперь твой начальник, если что, обращайся ко мне. Но только по каким-то организационным вопросам! По пустякам меня не дергай...

Они оказались в большом зале, где стояли огромные металлические цилиндры.

– Это танки, – указал на них рукой Рэм.

– Танки? – удивленно переспросила Васса.

– Да, танки. То есть емкости, в которых хранят потус. У каждого танка есть номер. И еще на каждом вот такой дисплей. Он отражает количество потуса в танке, какая там температура, сколько вошло, сколько вышло, и прочее... Куча всяких показателей. – Рэм говорил с неохотой, цедя слова сквозь зубы. – Твоя задача следить за тем, чтобы все показатели были в норме. Берешь планшет и сверяешь данные в таблице с теми, что на каждом танке. Если что не так – нажимаешь кнопку и вызываешь оператора.

– А оператора я где найду? – испуганно спросила Васса.

– Оператор вон за той дверью, а вот – кнопка вызова оператора, если что. Вообще работа не бей лежачего. Раз в час обходишь тут все, сверяешь показания, и все.

– Да?! – поразилась Васса. Она ожидала чего-то большего. Наверное, из головы не выходили рассказы тети Поли о том, как был устроен тот завод, на котором тетя когда-то работала – сложное, тяжелое, даже опасное предприятие. Недаром там люди выходили рано на пенсию!

– Да, – с гримасой отвращения произнес Рэм. Он совершенно не скрывал своих чувств к Вассе. Она даже растерялась – с чего бы такое неприятие? Сама Васса ему не понравилась, чем-то вызвала отторжение? Или же она заняла чье-то место, возможно? Скорее, второй вариант – Рэм входил в конференц-зал *уже* с гримасой недовольства. Он еще не

знал и не видел новую работницу, но заранее испытывал к ней неприязнь. Дело наверняка в каких-то местных интригах и разборках...

Вот они, отрицательные стороны работы, полученной по благу, по знакомству. Досталась легко, сами по себе обязанности пустяковые, а коллектив – недоволен. Попробуй, выживи здесь...

– Но ты особо не хаявь, тебя контролер будет проверять. Так что не расслабляйся. Пока походи тут в тестовом режиме, так сказать... – кинул на прощание Рэм, сунул в руки Вассе планшет и ушел тяжелой, какой-то злой походкой – когда человек идет и вроде как пытается вбить каблуки в землю.

Рэм Вассе категорически не понравился. Станный он. Вроде еще не старый, наоборот, очень молодой – наверное, всего лет на пять старше Вассы, но ведет себя так, будто устал от жизни и людей.

Это плохо, когда начальство тебе не нравится с самой первой минуты знакомства с ним. Да и само начальство от тебя тоже не в восторге... Взаимная неприязнь.

Кажется, Васса уже начала жалеть, что связала свою жизнь с этим заводом.

Васса, прижимая к груди планшет, принялась обходить помещение. Танки эти, какие-то металлические широкие трубы везде, трубы поменьше. За танками неожиданно открылось окно почти во всю стену, из прозрачного стекла. Это

окно выходило на огромное, почти до горизонта, пустое поле – даже глазу не за что уцепиться.

Васса постояла у окна, разглядывая поле, затем вернулась назад. Принялась сверять цифры на планшете и на дисплеях. Цифры, как назло, разбежались и не соответствовали друг другу. «А, это же танк номер шесть, а я смотрю показания у двенадцатого!»

Показаний, которые надо было сверить, оказалось очень много. Таблицы не умещались на одной странице, уходили вниз, Васса елозила пальцем по экрану планшета туда-сюда, все теряла и путалась. Работа уже не казалась ей такой легкой. Но это и плохо. Что будет, если Васса и с такой ерундой не сумеет справиться?..

Послышались чьи-то шаги. Васса выглянула из-за очередного танка и увидела девушку, поднимающуюся по ступеням металлической лестницы с нижнего яруса. Сначала Васса увидела голову девушки, потом верхнюю часть, после – уже ноги.

Словно Афродита из пены морской, незнакомка появлялась постепенно, вырастая. И с каждым шагом становилась понятно – в ней все прекрасно. Ни бесформенный халат, ни косынка, спущенная по самые брови, – ничего не портило красоты этой особы.

Чудесное строгое лицо с идеальными чертами. Узкие плечи и высокая грудь. Талия, у незнакомки четко прослеживалась талия! Ноги у девушки – ровные, длинные, очень строй-

ные...

Вот есть счастливые создания, чью бесспорную прелесть ничем нельзя испортить, хоть мешок на них натяни, все равно прекрасны...

Васса покосилась на свое отражение на боку металлического танка и скорбно вздохнула.

– Где тут новенькая? – звонко произнесла незнакомка. Уткнулась взглядом в Вассу. – А, это ты. Васса? Ну и имечко, из какого-то учебника. Я Света, контролер.

– Здравствуйте. Ой, здравствуй.

– Какая ж ты толстая, это просто ужас! – с досадой произнесла Света. – Такая молодая, а поперек себя шире. Нельзя же так...

Васса буквально окаменела. Подобной бесцеремонности и грубости она не ожидала. Даже Рэм себя так не вел! Слезы чуть не брызнули у нее из глаз.

– Покажи, что ты делаешь, как сверяешь показания, – как ни в чем не бывало командовала Света.

Васса сбивающимся голосом принялась объяснять.

– Ты чего. Нет, все не так. Главное – оценить в первую очередь температуру, вязкость и плотность продукта. Это основные показатели. Если ты будешь возиться с остальными, то тебе дня не хватит и ты упустишь возможный сбой... А, количество сахара тоже смотри, его должно быть ни больше ни меньше. То есть если меньше, это еще ничего, но вот если больше, то катастрофа – потус забродит, его потом только на

помойку... Ты поняла?

– Нет, – ответила Васса. – Давай ты немного походишь со мной и на практике объяснишь, что к чему.

– Еще за тобой ходить, объяснять? – искренне удивилась Света. – А мне за это платят? Нет уж, я контролер, а не наставница.

– И что мне делать? – в отчаянии спросила Васса.

– Что я тебе сказала, то и делай. И разве Рэм тебе не объяснил, что ты, в случае чего, по рабочим вопросам должна обратиться к Миланке?

– Какой Миланке? – растерялась Васса.

– Вон там за дверью сидит Милана. И ни хрена не делает, пасьянсы собирает, тоже задницу себе отращивает. Вот ее и спрашивай, – весело произнесла Света, развернулась и направилась обратно к лестнице. Узкая прямая спина, длинная шея, танцующие движения...

Глядя Свете вслед, Васса окончательно убедилась в том, что зря она согласилась на предложение Демьяна Демьяновича и Алекса. Наверное, уборщицам в Фудкорте и то меньше хамят.

Васса постучала в дверь.

– Войдите! – крикнули с той стороны.

Васса не без робости отворила дверь и оказалась в небольшой комнате. За столом, уставленным мониторами, сидела девушка.

– Привет. Я Васса, новенькая.

– А, вот ты какая! – улыбнулась девушка. – Привет. Я Милана, ты ко мне беги, если что. От Рэма и Светки никакого толку.

Милана вышла из-за стола. Была она невысокая, движения – женственные, томные, немного замедленные, словно она только что проснулась, а выражение круглого лица – добродушное и веселое. Пожалуй, Милана чем-то напоминала кошечку... Она сразу понравилась Вассе, не особо умеющей общаться с людьми в реале, не в сети.

Да и в сети, кстати, Васса особо не общалась, тетя Поля с детства внушила, что нельзя доверять «френдам» и принимать их всерьез.

– Я немного запуталась с этими показаниями, – призналась Васса. – Света сказала, что какие-то надо сверять обязательно, а какие-то – нет.

– Конечно, покажу тебе все. Идем.

Они вдвоем вернулись в зал с танками, и Милана очень подробно объяснила Вассе ее обязанности.

– Спасибо. Теперь поняла! – с облегчением выдохнула она.

– Да, тут все просто.

– Рэм, мне кажется, был недоволен мной, – не выдержала, призналась Васса. – Тем, что я тут вообще появилась...

– Рэм никем не доволен, – понизив голос, охотно сообщила Милана. – Он очень высокомерный. Никого за людей не считает. Выпендрейщик. У него крутой мотоцикл, он над

ним трясется. Наверное, он только свой мотоцикл и любит. А, и еще Светку...

– Свету?

– У них роман, – зашептала Милана на ухо. – Это не приветствуется, такие отношения у сотрудников, но мы вынуждены делать вид, что никто ничего не знает. Как тебе Светка?

– Ну-у... – неопределенно повела рукой Васса.

– Понятно. Не бери в голову. Светка та еще штучка. У нее тут есть свои прихлебатели, но я не в их числе. Я так понимаю, она из тех людей, которые любят собирать вокруг себя стаю... Люди-то у нас неплохие, но некоторые прямо так и рвутся под чье-то начало. Им надо быть в стае и все повторять за своим вожаком. Понимаешь?

Васса неожиданно вспомнила давешнюю Ильиничну из трамвая.

– Да, понимаю, – горячо согласилась Васса. – Встречалась даже с такими персонажами в реальности. То же самое думала об этом!

– Было бы у нас хорошее руководство, то живо бы весь этот гадюшник разогнало. Ведь даже пожаловаться никому нельзя! Эта Светка только так костерит меня и прочих, кто ей не подпевает, не хочет к ней в «стаю». Я сижу и трясусь за свое место. Тут хорошо платят, и сама работа очень чистая, что ли... У нас в Кострове не так много контор, где можно работать. А в свободные профессии я не стремлюсь, это очень все нестабильно. Хватит уже в семье фрилансеров.

Муж вон есть...

– Так ты замужем?

– Да. Детей нет. И какие дети, ты что... – словно предвидя следующий вопрос от Вассы, которой она, кстати, и не собиралась задавать, печально пожала плечами Милана. – Нам бы с Колей самим выжить. Вообще, если честно, то в нашей семье это я деньги зарабатываю. А Коля ведет какие-то онлайн-курсы, но у него не слишком много слушателей. Он больше на диване лежит. Думаю, это депрессия.

– Он обращался к доктору? – с сочувствием спросила Васса.

– Несколько раз, все те же онлайн-консультации... Но, мне кажется, эти психологи в сети – такие же неприкаемые фрилансеры, как и мой Коля. Ты знаешь, я бы даже готова найти дорогого специалиста, лишь бы Коле помочь!

– Я знаю одного хорошего психолога. То есть психотерапевта. У него есть основная работа, и вроде он еще принимает за деньги отдельно, к нему можно записаться.

– Да? – обрадовалась Милана. – Потом его координаты мне скинь, только не забудь, пожалуйста. А сейчас не обед ли? – Она взглянула на большие часы, висевшие на стене. – Полвторого! Идем в столовую.

– Идем!

Васса уже забыла о своих переживаниях, о том, сколь нелегко общаться с Рэмом и Светой, она теперь радовалась тому, что, кажется, нашла подругу. Настоящую, живую. Ми-

лана – не какой-то там «френд» из социальной сети.

Они спустились на нижний ярус по лестнице, затем в лифте поднялись и по длинному коридору направились в другой корпус. По пути к ним присоединялись другие сотрудники, Милана некоторым кивала как знакомым.

Столовая – огромный просторный зал с далеко стоящими друг от друга столами.

– А обеды дорогие? – спросила Васса.

– Бесплатные. Хотя как бесплатные, все из зарплаты вычитается...

По конвейеру ездили один за другим подносы с едой. Сотрудники брали их и уходили, садились за столы в зале.

– Можно любой поднос взять?

– Любой. Все абсолютно одинаковое, но завтра – уже другое меню.

– В Фудкорте есть выбор... – заметила Васса.

– Так то в Фудкорте! – засмеялась Милана. – Зато там и недешево.

Они взяли по подносу с тарелками и расположились за свободным столиком у окна, которое и здесь растянулось во всю стену. За ним – все то же бесприютное и бесконечное поле до горизонта.

– Тут можно халат снять и платок. – Милана скинула с себя рабочую одежду, повесила ее на спинку стула. Под халатом у Миланы – серые брюки да джемпер. Волосы у новой подруги Вассы – темные, до плеч, прямые и блестящие.

Васса тоже сняла с себя халат с косынкой.

– Да ты рыженькая! – улыбнулась Милана. – С ума сойти. Я бы тебя не узнала. Эта форма очень меняет людей.

– Ой, ты тоже какая-то другая! – засмеялась Васса.

Обед – густой суп-пюре, тарелка брокколи с котлетой и компот.

– А вкусно, ты знаешь! – удивилась Васса, пробуя заводское угощение.

За соседний столик уселась пара – девушка и юноша. Не сразу Васса узнала в них Свету и Рэма. Рабочая одежда и правда сильно меняла людей.

У Светы оказались длинные, светлые и прямые волосы. Очень негустые. Да просто-напросто жидкие. Сквозь них определенно просвечивал череп. *Настоящая* Света неожиданно напугала Вассу.

Да и Рэм выглядел иначе – его темные волосы торчали в разные стороны, и этот «художественный беспорядок» на голове делал его моложе и как-то проще, что ли. Он уже не казался высокомерным зазнайкой, скорее обычным юношей, старательно изображающим из себя строгое начальство.

Васса отвернулась к окну.

– ...я иногда думаю – может, мне развестись с Колей? Он ведь почти ничего не делает, только на диване лежит... – болтала тем временем Милана. – Но смысл расходиться? Ну буду я жить одна, и все то же самое... Скучно. Лучше уж я попробую вылечить его от депрессии. Это ведь депрессия у

него. У многих сейчас так. И что теперь, людьми бросаться? К тому же я не могу одна. Вот ты легко переносишь одиночество?

– Не знаю, – пожала плечами Васса. – Я сирота.

– Сирота?! Ах, я не знала, прости! И... как же ты?

– Нормально, меня тетя вырастила. Тетя Поля. Я с ней сейчас живу.

Васса подумала – признаваться ли новой подруге в том, что она, ко всему прочему, еще и очень больной человек? Потом решила – нет. Не стоит. Куда эту жалость потом девать... И так зря про свое сиротство сболтнула.

– Знаешь что? Пойдем в выходные в Фудкорт? – вдохновенно произнесла Милана. – Ты и я. Коля – не знаю, сможет ли присоединиться, он человек настроения.

– А что, отличная мысль, – оживилась Васса. – Обожаю Фудкорт. Причем, ты знаешь, у меня тетя – знатный кулинар, но я люблю общепит, ничего не могу с собой поделать... Или дело не в еде, а в чем-то другом? Мне нравится, когда вокруг движение, что ли. Скоро обещают развлекательный центр у нас в Кострове открыть, я туда обязательно пойду.

– И я! Вместе пойдем, ладно? – захлопала в ладоши Милана.

Этим вечером Васса и Милана возвращались в город на одном автобусе. Милана болтала не переставая. Болтала она и на другой день, и на третий... Уже сама выбегала из своего кабинета и ходила следом за Вассой. Поначалу болтовня но-

вой подружки отвлекала Вассу, но очень быстро она приноровилась – можно же делать вид, что слушаешь, а самой считать цифры. И кивать время от времени. Или же изрекать короткие, ничего не значащие фразы: «Да ты что? Неужели? Не может быть... Ничего себе!»

Приходил Рэм иногда, брал пробы из танков. Для этого лез по специальной лестнице, что располагалась сбоку каждой емкости, открывал сверху небольшой люк и специальным ковшиком черпал оттуда содержимое танка.

Раз в день, в основном в первой половине дня, появлялась Света. Она быстро-быстро сверяла показания в планшете с теми, что высвечивались на дисплее танка, и если все было хорошо, то изрекала что-то о том, что некоторым людям хорошо бы похудеть. Огрызалась на Милану, что та бездельница и штаны просиживает. Один раз, сверяя показания, пришла в ярость, накричала на Вассу:

– Ты, работница хренова... ты что, не видишь, тут плотность не соответствует... Миланку срочно зови!

Прибежала Милана, принялась колдовать над рычагами, что располагались сбоку танка.

Васса так и не поняла, как именно производят потус. С одной стороны – да, вроде бы все ясно: из скважины берут воду, ее фильтруют, затем добавляют какие-то концентраты, настаивают, разливают получившийся состав в тару в специальном цеху, закупоривают и везут на склад, откуда его развозят потом по магазинам. Но вот что это за концентраты?

Загадка. Три сухих концентрата («с» № 1, «с» № 2, «с» № 3) и три жидких, тоже под номерами («ж» № 1, «ж» № 2», «ж» № 3). Все в разных пропорциях добавляются в воду.

Однажды Васса спросила Милану, что это за концентраты. Милана удивленно ответила, что понятия не имеет. Какая разница? Кто в этой химии разберется... Ее, Миланино, дело – следить за работой системы. И за цифрами на экране!

– Один концентрат к нам приходит из Франции, другие из Аргентины, Узбекистана, еще из Азии откуда-то... Настойки трав, сушеный имбирь, другие компоненты... Но что именно там – да кто ж его знает, – простодушно пояснила Милана. – Все засекречено, работники не в курсе. Но ты не пугайся, это не потому, что в концентратах какие-то запрещенные вещества. Просто конкуренция... Потус до сих пор очень модный напиток, хотя его выпускают давно. От него никто не умер и не заболел, шерстью не оброс.

Васса была вынуждена согласиться с подругой. Больше вопросы производства потуса ее не интересовали.

Однажды случилось вот что. Явилась Света и приказала Вассе бросить все дела и бежать в цех розлива. Там вышел из строя один из упаковочных конвейеров, и потому всех работников завода временно перебрасывали на тот участок.

– Минутку... – пробормотала Васса. – Что мне придется делать?

– Что-что... Какая тебе разница! Упаковать несколько банок в коробку и отнести их на склад. Там уже машины ждут.

Васса задумалась.

– Ну что ты тянешь-то! – с тоской закричала Света. – Давай быстрее. И тебе же на пользу – побегаешь туда-сюда и, глядишь, свой жирок растрясешь.

– Мне нельзя бегать, – подумав, заявила Васса. – И тяжести тоже нельзя таскать.

– Это еще почему? – изумилась Света. – Да на тебе ж пахать надо...

– Я уже столько раз эти слова слышала... А, так ты не в курсе? – набравшись решимости, произнесла Васса. – У меня проблемы со здоровьем.

– Ты что, больная? – Кажется, Света была готова задохнуться от возмущения.

– Да.

Света помолчала некоторое время. Потом едва выговорила:

– И какого ты тогда сюда приперлась, больная... Ты уволена.

– А ты имеешь право меня увольнять? – дрогнувшим голосом спросила Васса.

– Я? Да я как захочу, так и будет... тоже мне... – Света не договорила, умчалась куда-то.

«Может быть, стоило послушать ее и пойти поработать вместо сломавшегося конвейера? – подумала Васса. – А то что же получается... Работу я себе выбила, а сама ее не тяну? Но нет, нет, дело не в этом. Дело в Свете. Я не хочу вы-

полнять ее требования, да еще высказанные таким тоном... Вот как та тетка в трамвае требовала, чтобы я встала, а я не встала...»

Васса походила от танка к танку, сверила показатели. Никто больше не появлялся в зале. Так уволена она или нет?

Васса спустилась, затем отправилась в цех упаковки. Там все бегали с ящиками, Рэм руководил процессом.

– Рэм... можно тебя на минутку?

Тот оглянулся недовольно, потом обратился к одному из работников:

– Петь, побудь пока за меня...

– Окей, Рэм.

Рэм развернулся к Вассе, повел ее из цеха, цепкими железными пальцами придерживая за локоть:

– Итак, чего тебе?

– Рэм, я хочу знать. Я уволена? – спросила Васса, отступив, лишь бы не чувствовать на себе его пальцы. Пожалуй, теперь синяки останутся...

Тот вздрогнул:

– С чего ты взяла, что ты уволена?

– Света сказала. Когда я отказалась идти сюда. Но ты-то в курсе, что мне нельзя бегать и таскать тяжести.

– Я в курсе, – нахмурился Рэм. В платке, завязанном концами назад, вернее, в этой бандане, он напоминал пирата. Черты его лица – резкие и тяжелые. Точно пират!

Васса не выдержала и улыбнулась.

– Почему ты улыбаешься? Что смешного?

– Ничего. Я просто. Это нервы.

– А, понятно. Ладно. Иди. Делай, что можешь, больше никто ничего лишнего от тебя не потребует.

– Рэм, погоди.

– Что еще? – недовольно хмурясь, обернулся он.

– Я хочу пожаловаться на Свету, – словно не замечая его реакции, упрямо продолжила Васса. – Она ведет себя похамски. Оскорбляет меня. А я из-за этого нервничаю. Но мне нельзя нервничать, ты знаешь, у меня слабое сердце.

– Не обращай внимания. Все?

– Нет, не все. Ты что, не собираешься реагировать на мою жалобу?

– Васса, разбирайся с ней сама. Блин, ну вот только не хватало еще мне во все эти бабские склоки влезать...

– Так и не допускай этих склок. Ты же начальник. Ты отвечаешь за атмосферу в коллективе, – ехидно произнесла Васса.

Она сама себя не узнавала. Но быть прежней – безответной и пугливой мямлей – она больше не желала.

Рэм смотрел на нее не моргая. Кажется, даже глаза у него побелели от бешенства. А Васса уже окончательно перестала себя сдерживать. Ей даже интересно стало, сколько еще этот человек сможет ее терпеть? Что он сделает? И правда уволит ее? Или он тоже не может это сделать? А велика ли тут власть Демьяна Демьяновича и Алекса?

– Разбейся со Светой сама, – сквозь зубы повторил Рэм.

– Если я начну отвечать на ее хамские выходки, ничего хорошего не выйдет. Ты должен поставить ее на место.

– На нее никто не жалуется, кроме тебя!

– Конечно, никто... – Васса перевела дыхание и закончила фразу: – Потому что все в курсе того, что у Светы есть покровитель.

– Ты на что намекаешь?

– Я не намекаю, – простодушно произнесла Васса. И с каким-то диким, мстительным, злым удовольствием, уже ничего не боясь, продолжила: – Вы любовники со Светой, и ты ее покрываешь. А она, между прочим, окончательно совесть потеряла. Милану задирает, я слышала, и других. Ну и меня заодно...

Кажется, Рэм захотел ее ударить, потому что как-то странно повел плечом, чтобы размахнуться... Но не сделал этого, просто повертел подбородком из стороны в сторону, словно разминая шею.

Васса стояла и молчала, скромно глядя в сторону.

Пауза тянулась и тянулась.

– Ладно, – наконец сдержанно произнес Рэм. – Я поговорю со Светой. А ты иди на свое рабочее место.

– Спасибо, Рэм.

Васса развернулась и пошла назад, стараясь двигаться ровно и не спотыкаться. Но никакой радости ей эта маленькая победа не принесла. Наоборот, почему-то стало вдруг

противно. Может быть, есть смысл уволиться самой? Сказать потом в кардиодиспансере Демьяну Демьяновичу, что не справилась, что он был прав, отговаривая Вассу от работы...

Света появилась в зале с танками на следующее утро. Молча сверила показатели, но не ушла потом, а осталась у лестницы, чтобы поболтать с одной из работниц из цеха фильтрации, которую звали Ладой. Лада была одной из тех, кто входил в Светину «стаю».

Васса не собиралась слушать их разговор, но в цеху, несмотря на его огромные размеры, все слова доносились отчетливо.

– Лада, отлично выглядишь... Молодец. Ни жиринки, такая подтянутая!

– Спасибо, Свет. Соблюдаю диету, каждый день бегаю на тренажере. В наше время приходится за собой следить! – с гордостью произнесла Лада.

– Учти, потолстеешь – вычеркну тебя из подруг.

– Ну Све-ет... – смущенно засмеялась Лада.

– Ты не думай, я не шучу. У меня принцип – не водить знакомства с теми, кто лишние килограммы себе наел. Растолстела? Значит, пора нам распрощаться. Я даже предупредить не стану. А почему вычеркну, знаешь? Потому что толстые всегда чувствуют дискомфорт. Физический и душевный. У них куча комплексов. Раз изменилось тело, значит, изменилась и психика.

– Поведение уже другое, да, Свет, замечала за некоторыми такое... – согласилась Лада.

– А все потому, что бытие определяет сознание! Толстый человек – это ленивый и безвольный. Порочный. Чревоугодие – грех, – жестко продолжила Света. – Предал себя, свое тело – значит, предашь и других людей вокруг. Толстый – значит, слабый.

– Свет, а если болезнь? Диабет или щитовидка... Что-то гормональное, словом? – неуверенно спросила Лада. – Всякое ж бывает... иногда и возраст все-таки сказывается...

– Пожилым еще можно полноту простить, они, быть может, устали со своей болезнью бороться. Молодым – нет. Кто знает, Лад, что первично, а что вторично. Я понимаю, если ребенок уже больным родился, какой с него спрос. Тут никаких претензий. А если человек сам себе свою болезнь наел? Лежал в четырех стенах, двигаться не хотел, только страдал, страдал душевно, нюни распускал... Вот такая полнота – это изначально болезнь души. А потом она на тело переходит.

– Ты жестокая, Света...

– А так и надо. Если потакать толстым, по головке их гладить, утешать, лгать им в глаза – ты красивая! – то это только загонять проблему вглубь. Добивать толстуху, пока у нее остальное здоровье не посыпалось...

У Вассы, слушавшей этот разговор, даже руки затряслись. В словах Светы, с одной стороны, была своя логика – странная, жестокая, но она была, да. С другой стороны... Все же

понятно и очевидно, к чему сейчас эти речи. Чтобы ранить Вассу.

Света знала, что Васса здесь и она все слышит. Ей хотелось сделать больно Вассе, нажаловавшейся начальству, то есть Рэму. Света думала, что она тут главная, раз она подруга Рэма, а не вышло. Рэм отказался увольнять Вассу, знал, что это невозможно, и неважно почему – закон запрещал увольнять просто так больного человека, или Рэм обязан был подчиняться руководству... Светино обличение толстых сейчас – чистой воды лицемерие. Ложь, спрятанная в одежды правды. В белое пальто, вернее, в белый халат.

И, самое главное, Света не могла никого судить. Это было не ее дело.

Когда Васса об этом подумала, то ее неожиданно отпустило. Смысл реагировать на подобные речи?

Она вышла из-за танков и направилась прямо к лестнице, где стояли Света с Ладой.

– Привет, Лада! – безмятежно улыбнулась Васса и помахала той ладонью.

– Привет... – пробормотала Лада в ответ машинально. Света же ничего не сказала, она проводила Вассу странным и каким-то растерянным взглядом.

Но с этого дня Васса решила изменить свою жизнь. Когда пришла домой вечером, то серьезно поговорила с тетей Полей. Очень вежливо, стараясь не обидеть тетю, сказала, что больше – никаких пирогов и прочей выпечки. Никакой

сгущенки! Вместо этого – брокколи и кабачки. Огурцы и помидоры... Священный продукт всех, мечтающих похудеть – курогрудь! И рыба, рыба... Полно же рецептов диетических блюд на любимых тетиных каналах!

Тетя Поля растерялась. Расстроилась. Явно собралась плакать.

– Только не обижайся, любименькая моя тетенька Поленька, – взмолилась Васса. – Если тебе тяжело перестроиться, давай я буду сама готовить, а? А ты отдыхай... Да вообще можно не готовить, не надрываться. Съедем по одному творожку на завтрак, нам и хватит... Договорились?

– Ну уж нет, – фыркнула тетя Поля. – Если ты так настаиваешь, девочка моя, и голодовкой мне грозишь – что ж поделать, буду я готовить диетические блюда, как ты просишь...

– Спасибо, тетя Поль! – чмокнула ее в теплую и мягкую щеку Васса.

– Подлиза... – буркнула тетя.

– Да, и вот еще что. Я хочу купить беговую дорожку домой. Тренажер такой есть.

– Тебе же нельзя бегать! – испугалась тетя Поля.

– А я не стану бегать. Я буду ходить. Хоть какое-то движение...

– Васса, тебе нельзя!

– Бегать мне нельзя, а ходить можно, – упрямо произнесла Васса. – Как же я устала от всего этого! Меня никто не понимает, я такая одинокая! Несчастливая сирота... Дождь весь

день, дождь всю ночь, вода... Посуди сама, где мне еще ходить? На улице, по лужам, под зонтом? Или ты считаешь, мне лучше в тренажерный зал записаться, пока очередной карантин не начался? Но только ты учти, что там, в зале, хоть и дезинфекция, но все же куча народу... Тренажер дома – это идеально. Место у нас есть, кстати...

Тетя Поля замерла. Она словно зависла. Просто стояла, и какая-то жилка билась на ее щеке. Вассе вдруг стало страшно. А вдруг она уморила своим упрямством родную тетю?

Но нет, тетя Поля вдруг опять ожила – заморгала, пожевала губами... И изрекла:

– Ладно. Пусть будет по-твоему. Только обязательно по-советуйся с Демьяном Демьяновичем!

...Все, что не убивает, – делает сильнее.

Васса никогда не понимала эту поговорку, в ней заключалось что-то такое... мазохистское? Васса осознала, что любит, вернее, *уважает* себя, и именно потому она решила изменить свою жизнь, а не потому, что собиралась что-то доказать Свете.

Света явилась лишь неким катализатором. Напомнила о том, что Васса и сама собиралась сделать. Морить себя голодом, садиться на диету, изнурять себя долгими физическими упражнениями Васса не планировала. Никаких диет, просто правильное питание. Никаких чрезмерных нагрузок – просто чуть больше движения...

Если захочется в какой-то день полежать лишнее время

– да пожалуйста, не надо через силу заставлять себя лезть на тренажер. Потянуло на вкусненькое, но вредненькое – за-просто, можно съесть кусочек. Потому что если жестко обуз-дать себя, то захочется вырваться на свободу. А она, Васса, и так на свободе, вольна делать, что хочет. Главное, не ста-вить перед собой неправильных целей. Не говорить себе – я должна похудеть.

Это не цель, нет, нет...

Цель – жить правильно и легко. Это касается всего, не только правильного питания и разумной физической нагруз-ки. Еще хорошо бы освободиться от тяжелых мыслей, меша-ющих жить. Не надо ненависти и обид. Но и никаких натуж-ных попыток понять-простить своих недоброжелателей. Не стоит бросаться из крайности в крайность. Легкий пофигизм – вот что необходимо в первую очередь.

Впервые за много лет Васса почувствовала себя хорошо. Наверное, потому что она сумела сама преодолеть некоторые трудности в своей жизни. На пустом месте, в комфортном и убаюкивающем покое – подобное было невозможно. Эндор-фины – гормоны радости – начали вырабатываться только тогда, когда Васса совершила некие действия, не самые про-стые, и у этих действий появился результат.

Одной из «простых человеческих радостей» было и то, что у Вассы наконец появилась настоящая и реальная подру-га. С самого детства тетя Поля внушала своей племяннице, что слишком уж доверять окружающим людям не следует.

Доверять незнакомым и вовсе нельзя. Полностью открываться новым знакомым, да еще и сразу – тоже нельзя.

Это касалось и виртуальных знакомств.

Всерьез относиться к «френдам» в сети – просто глупо. Да, доброжелательное, порой несущее пользу виртуальное общение имеет смысл, но переживать, рвать и без того нездоровое сердце из-за творящегося в интернете не надо.

Романтические отношения с противоположным полом в сети? Тоже бред. Во-первых, маньяков и извращенцев еще никто не отменял. Во-вторых, нормальные люди попереписываются какое-то время, а потом отправляются на реальное свидание и там прикидывают, годится твой избранник для живых отношений или нет. Если переписка затягивается, то дело плохо.

В качестве примера тетя Поля приводила Вассе одну знакомую, которая переписывалась со своим поклонником, женатым, кстати, целых одиннадцать лет, а в итоге они все-таки расстались. Та знакомая думала, что с этим мужчиной у нее все всерьез, еще чуть-чуть, и она его додавит до развода с истеричной и глупой женой (на которую тот постоянно жаловался), а не вышло. Тот мужчина просто проводил удобно время, выбрав в качестве жилетки тети-Полину приятельницу. В результате – одиннадцать выброшенных на помойку лет.

Словом, несмотря на свой юный возраст, Васса весьма скептически относилась как к дружбе, так и к любви – что в

вирте, что в реале (не забываем тети-Полину подругу, которая увела от нее любимого мужчину в реале). Васса мечтала, да, мечтала о чем-то таком, о подружке, пожалуй, больше всего, но не получалось раньше.

И вот нашла – Милану.

Впрочем, вымуштрованная тетей Полей, Васса не торопилась полностью открываться перед новой подругой. К тому же болтовня Миланы иногда утомляла... К этому следовало еще приноровиться. Но, в конце концов, Васса стала получать радость от общения с Миланой.

Они часто пересекались на работе, после окончания рабочего дня возвращались в город всегда вместе. Подгадывали, чтобы и утренние поездки совпадали. Иногда Васса наблюдала, как мимо их автобуса стремительно проезжает мотоцикл фантастического вида, на котором сидит водитель в защитном костюме черного цвета и черном же шлеме. У водителя широко развернутые плечи, и он весь какой-то тяжелый, но вместе с тем стройный и гибкий, что ли, похож на животное, какого-то хищника... Сзади водителя – пассажир, вернее, судя по силуэту, пассажирка, тонкая и изящная, напоминающая змейку, тоже вся в черном.

– Рэм со Светкой, – однажды обронила Милана.

– Да-а? – почему-то поразилась Васса. Этот мотоцикл и сидящие на нем люди казались ей слишком красивыми, слишком ненастоящими... Картинка на экране монитора, рекламный ролик, не имеющий отношения к реальной жизни.

ни, к знакомым людям!

Но нет, получается, они все знакомы.

– Ты бы хотела так прокатиться? – со смешком спросила Милана.

– С Рэмом?

– Не обязательно с Рэмом, а вообще... Мотоцикл, женщина, скорость... и ты.

– Я? На мотоцикле? С каким-то дядькой? Да ну, скажешь тоже! – засмеялась Васса.

В выходные Васса и Милана нередко заглядывали в Фудкорт.

А где еще встречаться двум подругам, когда который день в городе идет дождь?..

Гулять нельзя в такую погоду, в гости большинство уж давно отучилось ходить, только и оставался Фудкорт, последний оплот живого человеческого общения.

Фудкорт города Кострова располагался на территории и в корпусах бывшей фабрики по производству счетно-аналитических машин. Что это за машины были, Васса представляла весьма слабо. Наверное, какие-то арифмометры, либо калькуляторы – предшественники компьютеров... Либо еще какие-то громоздкие электронные конструкции, применявшиеся непонятно где.

К концу двадцатого века фабрика разорилась, долго стояла без дела, затем ее попытались перестроить в жилые помещения, и опять банкротство после первой вирусной вол-

ны. Потом все же фабрику реконструировали и превратили в Фудкорт. Где под одной крышей собиралось множество самых разных кафе – с восточной кухней, европейской, мексиканской... да на любой вкус.

Теперь помещение, в котором располагался Фудкорт, именовалось лофтом. Кирпичные стены, бетонные поверхности, открытые трубы и коммуникации под потолком, железные двери, высокие арки, широкие окна... Все напоминало о том, что когда-то здесь было промышленное предприятие.

На нижнем этаже никаких окон, разумеется, зато множество полутемных коридоров и уютных закутков со столиками. Мерцание спрятанных светильников, широкие прилавки, за которыми все кипело, бурлило, исходило паром, шкварчало... Там трудились повара. Пахло приправами, жарящимся мясом, чесноком в масле...

Васса обожала Фудкорт с тех самых пор, как однажды оказалась здесь совершенно случайно в детстве, с тетей Полей. Они проголодались, дома ничего из еды не было, пришлось зайти сюда. Долго ходили по этажам, мимо разных павильонов, тетя Поля, помнится, ворчала, что это все – не еда для ребенка... Наконец расположились в одной из кирпичных ниш, где сверху висел железный фонарь, им принесли курицу-гриль, которая показалась Вассе необычайно вкусной, и картофель фри.

Сейчас, спустя годы, Васса поняла, что ей тогда не столько

здешняя еда понравилась, сколько сама обстановка, наверное. Таинственная, благодаря мрачному интерьеру, и вместе с тем веселая, энергичная, из-за броуновского движения людей вокруг. Сюда ходили не за одной едой, а еще и за живым общением, ставшим таким редким во времена частых карантинов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.